

Он брат моей подруги
Но считает сестрой меня

Буду твоей
сестрой

Амалия Март

Амалия Март

Буду твоей сестрой

<https://litres.ru/73993143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я – настоящая самозванка. Живу в чужой квартире, вру чужому «брату» и стараюсь не пялиться на его кубики пресса. Безуспешно, конечно. Алан – колкий, насмешливый и невыносимо красивый. От одного его взгляда мурашки строем выходят хоронить всю мою волю, а искры, что летают между нами, уже подпалили квартиру. И это была бы идеальная история любви, если бы не одна проблема: он уверен, что я его сестра.

Хотя, если честно, две. Ещё я поклялась не разубеждать его в этом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	56
Глава 9	65
Глава 10	70
Глава 11	79
Глава 12	86
Глава 13	99
Глава 13.1	105
Глава 14	110
Глава Визуализация героев	115
Глава 15.1.	128

Амалия Март

Буду твоей сестрой

Пролог

Если бы мне кто-то сказал, что моя новая жизнь начнётся с вокзала, чемодана с отломанным колесом и чужого имени, – я бы, конечно, не поверила.

Я вообще не доверяю людям, которые уверенно говорят: «Всё будет нормально». Обычно после этой фразы начинается что-то очень ненормальное.

– Елка, ну пожалуйста! – Эвелина, она же Ветка, цепляется за мой рукав так, будто я – последний поезд на Москву. – Это шанс всей моей жизни!

– Ты уже говорила так про парня с татуировкой волка на всю-ю-ю грудину, – невозмутимо отвечаю я, пытаюсь выдернуть руку. – И про стажировку в Мухосранске. И про диету на гречке.

– Это другое! – Ветка трагически закатывает глаза, показывая всё, чему научилась за недолгое посещение театрального кружка в восьмом классе. – Это судьба!

– Ты не можешь так со мной поступить! – шиплю я.

Я в отчаянии. Я в гневе. Я в незнакомом городе с чемода-

ном в руке.

И лучшая подруга решила перечеркнуть все наши годами вынашиваемые планы ради едва знакомого мужика. Мало того, что это опасно, так еще и совершенно безрассудно!

– Елка, милая, ну я тебя прошу, такой шанс – раз в жизни выпадает! Это же Дубаи!

Подруга строит жалостливую мордашку, которая не раз вытаскивала нас из по-настоящему дерьмовых ситуаций, и складывает ладони в умоляющем жесте. Ну как на такое не повестись... Сказал бы кто угодно, кроме меня. Ведь у меня стойкий иммунитет к ее манипуляциям развился еще в детсадовском возрасте.

– Твою мать, Ветка. Так нельзя! Просто... нельзя, – приглушенно заканчиваю я.

Отчаяние затапливает меня вместе с холодным потом и предпанической атакой. План был так прост: поступить в институт, приехать в столицу, покорить столицу. А теперь всё на волоске от гибели. Вся моя чертова будущая жизнь из-за какого-то Сережи, решившего прокатить мою подругу в жаркие страны. Хорошо, если с возвратом, а не в рабство.

Ветка обещала, что мы всё сделаем вместе, обещала не оставить ни на минуту и помочь во всём. Приютить на первое время. Поделиться матрасом, куском капкейка и возможностью найти работу и квартиру по карману. Мы обе принесли клятву на крови: что в богатстве и бедности, болезни и здравии, замужестве и...

– Можно! – хватая меня за руки, горячо говорит Ветка. – Езжай в квартиру. Скажешь Алану, что ты – это я. И живи себе спокойно, пока, ну... сама знаешь. Или я вернусь, или сама денег накопишь. Надеюсь, второе произойдёт раньше первого, – снова хихикает она, возбуждённо.

И я знаю это её маниакальное состояние. Она уже всё решила и никуда не отступится, какие бы доводы я ни приводила. Она всегда была импульсивной и смелой.

Но... занять её место? Так сильно её крыша ещё не протекала.

– Как будто твой брат не раскусит меня с первой минуты! – хмыкаю, поправляя сумку с ноутбуком на плече.

Я устала. Я раздражена. Я в отчаянии!

Но это я уже говорила.

Как я могу представиться ей её собственному брату?

– Да какой там брат, одно троюродное название. Мы с ним виделись последний раз, когда мне было девять, – цокает она. – Да пройди он сейчас мимо меня – ни за что не узнает! Так что ты вполне сойдёшь за меня, мы с тобой, как сёстры, сама знаешь: рост, цвет волос, глаз. Он ни за что не поймёт! Вот это будет угар. Только представь!

Она в очередной раз заливается смехом, будто всё это её очень веселит. Хотя скорее всего это действительно так. Она же собирается ехать в Дубай, а не экстренно искать себе ночлежку на ночь глядя.

– Ты серьёзно хочешь, чтобы я поехала жить к твоему род-

ственнику под твоим именем? – уточняю ещё раз, так, на всякий случай. Может, моя крыша тоже подтекать стала?

– Не «жить», а временно пожить, – поправила Ветка. – Бесплатно! Елка, ты вообще слышишь это слово? Бесплатно! – она даже произнесла его по слогам, как будто я могла не понять такого сложного экономического термина.

Я так-то на экономический поступила. Сама.

– Я слышу слово «уголовка», – мрачно подмечаю.

Присвоение чужой личности и всё такое. Наверняка в уголовном кодексе у этой статьи весьма цветастые циферки.

– Да ну тебя! – отмахивается Ветка. – Никто тебя не посадит за то, что ты поживёшь пару недель под чужим именем.

– Это называется «мошенничество», если что, – продолжаю гнуть свою линию.

– Это называется «выживание в Москве», – парирует подруга. – Ты сама хотела накопить на съёмную квартиру. Вот тебе идеальный вариант. Живёшь бесплатно, откладываешь деньги, потом съезжаешь. Всё!

– Так неправильно, – устало переминаюсь с ноги на ногу и снова поправляю сползающую с плеча сумку. – К тому же ты знаешь, я не умею обманывать.

– О, боги, Элинка, это просто классное приключение. Ты немного побудешь мной, а я... побуду наконец собой. Без всех этих нравоучений и родительского шантажа. Поживу хоть немного жизнью, о которой мечтаю. Ты же знаешь, в гробу я видела этот институт, учёбу, сессии и вообще. У

меня только-только первая тысяча подписчиков собралась. Сейчас наклепаю контент из Эмиратов, соберу целевую и как выстрелю! И не придётся просиживать штаны на скучных лекциях у старперов. Заживу и без родительских донатов!

Я тяжело вздыхаю и разминаю уставшую шею. Слишком мало времени, чтобы всё обдумать. Ветка до последней минуты не говорила мне о своих грандиозных планах, иначе я бы не поехала – она знает. В местном экономическом мне общагу бы дали. А тут... Я сделала это только потому, что поверила в её безумный план.

Но её планы оказались очень гибкими.

– Пожалуйста, Елка. Если не ради меня, то сделай это ради себя. Я знаю, как ты мечтала тут учиться. А теперь твои проблемы с жильём решены. Не придётся спать со мной в обнимку. Я ужасно пинаюсь во сне, ты же знаешь.

Ей всё же удаётся вырвать из меня смешок.

– Всего-то надо немного побыть Эвелиной, а не Элиной, – доверительно заглядывает в мои глаза и переплетает наши пальцы. – И то, только для одного человека. Больше никого обманывать не придётся. Родителей я беру на себя. А с «братиком» даже разговаривать не обязательно. Вы, может, даже видетесь там особо не будете. Там же двушка! Разошлись по своим комнатам – и всё! Спокойно занимайся своими делами, не спеша ищи подработку, больше не нужно никуда гнаться и выживать, Ель. Я делаю это и для тебя тоже.

Похоже, я брежу после двух с лишним дней в душном по-

езде без кондиционера, с ротой невымытых солдат по соседству, но, кажется, я в шаге от согласия.

– Давай же, Э-ли-на! – давит на меня подруга. – Это идеальный план! Главное – никому меня не выдавай. Я родителям буду каждый день писать, как прекрасно мы уживаемся с «братиком» и как мне нравится в институте. С тебя просто фотки. И клятва на крови.

Вот чёрт.

Опять она за своё.

– Никакой больше крови! Тот шрам пришлось татушкой перекрывать, – давлю нервный смех.

– Ну классная же вышла ветка, – широко улыбается подруга, оголяя своё запястье. – Как и моя ёлочка.

И это будет посильнее слов клятвы. Навсегда вместе. В горе и радости и дурацких татуировках...

Я не сдерживаю протяжного вздоха.

Смотрю на свой чемодан.

Сломанное колесо. Потрёпанный вид. Внутри – половина моей жизни, аккуратно сложенная между свитерами и надеждами. Москва, съёмная квартира, которую я пока не могла себе позволить. Работа, которую ещё нужно найти. И реальность, в которой мне придётся выкручиваться самой.

Перевожу взгляд на Ветку. У неё всё всегда было проще. Но сейчас...

Сейчас она смотрит на меня с такой надеждой!

– Ладно, – сдаюсь я.

– Ладно? – подпрыгивает на месте.

– Ладно, – обречённо повторяю я. – Побуду немного тобой. Ради себя, конечно, – закатываю глаза и улыбаюсь.

– Конечно, конечно, – прыгает от радости подруга. – Только... клятва!

Я тяжело вздыхаю и поднимаю правую руку.

– Клянусь ни словом, ни действием никому не выдавать, что я – не ты. Пока ты сама не объявишься.

– ...самым ценным, что у меня есть... – подсказывает счастливая Ветка.

– Самым ценным, что у меня есть, – серьёзно добавляю я. – Нашей дружбой.

– Вот так! – отвешивает мне звонкую пятерку и кидается в объятия. – Я, если что, сфоткала паспорт Серёжи и кинула его тебе в «Максе». Если я пропаду... Ну, знаешь, на всякий случай, – быстро тараторит мне на ухо. – Я ему, конечно, верю, но эти масики нынче... сама знаешь, сплошные штрихи. И буду писать тебе каждый день. Может, по несколько раз. Может, даже буду закидывать тебя слащавыми фотками. Потерпи, короче. Люблю тебя. Спасибо, – сжимает меня ещё крепче, а потом отступает. – Мне пора на «Аэроэкспресс». Я беру с собой только сумку, надеюсь, что масик купит мне всё там, так что захвати, плиз, мой чемодан тоже. Такси ждёт тебя уже минут двадцать, так что за ожидание, наверно, накапало, но это проблемы Серёжи. Ни о чём не парься! – продолжает трещать на едином вдохе. – И да. Если Алан одна-

жды подкрадётся к тебе сзади – сразу бей в нос. Скорее всего, у него в руках мерзкий жук и он хочет засунуть его тебе в труссы. Хотя надеюсь, он это перерос.

За всей этой длинной тирадой я даже не успеваю понять, как оказываюсь в машине с шашечками. Ветка захлопывает за мной дверь и радостно машет мне с тротуара. Я улыбаюсь ей в ответ, изо всех сил стараясь сохранять оптимизм, которым она меня заразила.

Да, всё будет хорошо.

Однозначно.

Подумаешь, немного побыть ей. Будет что рассказать внукам... Или адвокату!

Вот. Дерьмо.

Глава 1

Если бы у меня была привычка вести дневник, запись за этот день выглядела бы так:

«Дорогой дневник, сегодня я приехала в Москву, на серьезных щах собираюсь притвориться другим человеком и искренне надеюсь, что мне за это ничего не будет. Пожелай мне удачи. Или хотя бы мозгов на будущее».

В очередной раз глубоко вздыхаю.

Потом ещё раз.

И ещё.

На что я, мать его, согласилась? Ветка не иначе курсы гипноза прошла втихаря, раз сейчас попивает латте в зале ожидания аэропорта, а я тут вместо нее принимаю все тяготы судьбы.

Тащить два чемодана – ужасно энергозатратно. Взмыленная, потная, дико уставшая и сильно нервничающая, я, наконец, добираюсь до квартиры, где должна была некоторое время погостить на птичьих правах.

Унимаю легкий внутренний мандраж и вжимаю дверной звонок до упора. А потом снова. И снова, пока не слышу шорох по ту сторону двери.

Ну наконец-то.

Дверь открывается с яростным ревом:

– Шесть, мать его, утра!

Я немного отпрыгиваю назад, не ожидая такой встречи. Такой... полуголой, если честно, встречи. Держась за дверной косяк, из дверного проема свешивается обнаженный по пояс парень, очень лохматый и очень помятый. Как будто предыдущая ночь была очень насыщенной, а утро его лично оскорбило солнечным светом и мной на пороге.

Невольно скольжу взглядом по жилистым плечам и фактурному животу, с намеком на v-образную галочку, уходящую в свободные низко сидящие штаны и тут же себя одергиваю. Господи, совсем как дикая. Будто никогда не зависала на видосах со скачущими на скакалке мужиками. Этот мог бы составить им конкуренцию.

Черт.

Совсем, совсем неподобающие мысли для “сестренки”.

– А, точно, – оглядывая меня тяжелым взглядом из-под опущенных век, хрипит лохматый. – Сегодня суббота. Маман же напоминала.

Уверенным взмахом руки он распахивает дверь и отступает вглубь квартиры, слегка пошатываясь.

– Проходи, систер. Бразер тебя ждал, – насмешливо кидает он.

И это все? Так просто? Наверное, я до последнего не верила, что он не раскусит меня с первого же взгляда. Ну каковы были шансы, правда?

Стойкое облако перегара забирается в легкие, едва я де-

лаю шаг через порог. Гремят уцелевшие колесики чемодана, загорается верхний свет. Черт, он правда мог бы стать звездой рилсов. Даже то, как он морщится от света, откидывая непослушные кудри с лица, выглядит невероятно запатительно.

Вот это у Ветки генеалогическое древо.

Пока я затаскиваю второй чемодан, “братик” шаркающей походкой направляется вглубь квартиры, оставляя мне привилегию самой справляться с тяжестями.

Джентльмен.

Ничего, как раз хотелось ощутить это пресловутое веяние феминизма.

Приставляю чемоданы к стеночке и со вздохом облегчения приземляюсь на пуфик у двери. Пока расшнуровываю кроссы, оглядываю квартиру. Наверное, примерно так я ее и представляла. Когда начинаешь фантазировать о жизни в столице ждешь именно этого: что с порога попадешь прямо в гостиную с шикарным ремонтом, наткнешься взглядом на плазму в полстены, а стоит развернуться, уже стоишь в кухонной зоне. Современно. И слишком уж приторно-вылизано. Что подозрительно.

Постоянного жильца тут выдают разве что такие мелочи, как кружка с Дедпулом на столе, гора сваленных конспектов рядом и ярко-малиновая толстовка, переброшенная через спинку дивана.

Явно женская.

Чудненко.

Нахожу взглядом Алана и с новым витком любопытства изучаю его. Он опирается рукой в столешницу кухонного островка и жадно присасывается к бутылке с водой. Его кудрявая голова запрокинута назад, глаза закрыты, а горло жадно глотает. Как только бутылка пустеет, он отрывается от горлышка и издает такой стон удовольствия, что у меня мурашки бегут по рукам.

Очень уместно, извращенка.

Его чуть просветлевший взгляд находит меня, и он задумчиво щурится.

– А ты вообще разговариваешь? Помнится, ты была довольно крикливая... и косоглазая.

Криво усмехается.

– Я никогда не была косоглазой! – возмущаюсь от всей души.

И Ветка не была. Вот же... придурок!

И почему все красавчики такие?

– Да пошутил я, – открывает нижний ящик и закидывает пустую бутылку в мусорное ведро. – Просто хотел вспомнить твой чудесный голосок. Кажется, после того единственного лета в твоей компании я стал плохо слышать правым ухом. Видимо, через четыре года оглохну окончательно, – выпрямляется и, нагло потягиваясь, до выпирающих ребер на торсе, идет в сторону комнаты.

И все? Знакомство окончено?

– Стой! – останавливаю «братика». – А где мне... разместиться? Шкаф? Кровать? Дверь, отделяющая меня от твоего говеного характера.

Алан издает тихий смешок и широко разводит руки.

– Так вот. Все твое, ни в чем себе не отказывай. В мою комнату не соваться, мою бритву в ванной не трогать, – заключает и снова поворачивается к своей комнате.

– В смысле «вот»? – не понимаю я.

Хотя вру. Все я понимаю, просто ни черта мне это все не нравится.

– В смысле: гостиная и кухня – твои, я не претендую, – широко зевая, берет за ручку двери. – В ванной разберешься, – машет в сторону двери на другом конце гостиной. – Шкафа нет, сорян.

И скрывается за дверью.

Вот и отлично. Вот и познакомились.

Добро пожаловать во временный дом, Елка.

Тебе здесь очень рады.

Глава 2

Должна признаться, что успела понадумать себе всяких сценариев развития событий в первые же дни жизни под личиной Ветки. И один был тревожнее другого.

Например, здесь было мгновенное разоблачение от Алана, как только он окончательно протрезвеет и лучше ко мне приглядится. Но, жирный спойлер: он так и не протрезвел.

И неожиданный визит от родителей Ветки, резко решивших, что сутки без них – предел, и нужно срочно проконтролировать неразумную дочь в первые же дни жизни в столице. Хотя эту ответственную миссию они фактически переложили на меня, когда сажали нас обеих на поезд с билетом в один конец. И на что они надеялись, боже? Мне же никогда не удавалось притормозить авантюрную натуру подруги!

Дальше пошли всякие дурацкие мысли о том, как вообще жить с парнем в одной квартире. Особенно когда он грешно красив и дьявольски невыносим. Как делить быт? Ванную комнату? Боже, а если он девок будет толпами через спальню водить?

Достаю блокнот и вписываю туда пункт два в список срочных покупок: беруши. Первым числится шкаф.

Дважды подчёркиваю и снова принимаюсь разбирать свой чемодан. Хотя «разбирать» – это сильно сказано. Я смогла найти место для косметички и фена, стопочкой сложила тет-

ради для учёбы на кухонной столешнице и примостила любимую кружку на полку рядом с коллекцией Алана. А коллекция, надо сказать, была сказочная. Роботы, супергерои, какие-то нечёсанные лохматые мужики из компьютерных игр и даже... Нет, этого я предпочту никогда не видеть. Отворачиваю полуголую анимешную девчонку всеми прелестями к стене и заставляю её своей кружкой.

Ну вот, разбор вещей подошёл к концу, поскольку одежду мне физически некуда разложить.

Пиликает телефон.

«Кинула тебе денег. Закажи самый уродский шкаф, чтоб Алан офигел»

Я уже пожаловалась подруге, что ей, как ненужному щенку, выделили только уголок в огромной хате и даже шкафом не обеспечили. Эля, до этого радостно спамящая мне весь свой путь от аэропорта до отеля и грозящая записать убойный румтур, как только они с Серёжей пообедают, знатно разгневалась. Видимо, ещё и родакам пожаловалась, чтобы страсти с них бабла на обустройство.

«Закажу нормальный, тебе здесь ещё жить».

«Не факт» – прилетает мгновенно.

Это так на неё похоже – расписать своё прекрасное будущее, ещё даже до него не добравшись.

«Ты не можешь меня здесь бросить, так что ничего не знаю, жду твою загорелую шкурку обратно»

Ветка присылает гифку с бабой, распивающей коктейль,

и я смеюсь. Залезаю проверить счёт и тихо офигеваю. Тут и на шкаф, и на комод, и на пару недель питания хватит.

У неё удивительная способность разводить родителей на деньги.

Меня, если честно, всегда удивляло, как Ветке всё время удаётся вить из них верёвки. Конечно, у них возможностей побольше, чем когда-либо было у моей мамы, воспитывающей меня в гордом одиночестве, но дело же не только в финансах. Ей всегда всё разрешали. Гулять допоздна – пожалуйста. Хочешь татуировку в 16 лет? Ради бога, только мы сами выберем тебе проверенного мастера. Хочешь, чтобы этот незнакомый мальчик ночевал у нас? Ну... окей. Только не шалите.

Надо ли говорить, что шалили они в итоге дай боже?

Меня мама бы за одну только мысль о мальчиках в доме посадила под домашний арест. На год! Про татуировку она даже не догадывается... До сих пор не верится, что мне удалось скрывать её почти год чуть ли не на самом видном месте!

Я устраиваюсь на диване с телефоном в руках и захожу на маркетплейс, чтобы выбрать шкаф. К концу дня я успеваю затариться продуктами и немного обжить пространство, а ещё всерьёз забеспокоиться, не сдох ли мой вынужденный сосед от собственного перегара в запертой наглухо комнате.

За целый день я ни разу не видела его помятого лица или любой другой части тела, не слышала ни звука из-за двери,

ведущей в его комнату, и реально начала себя накручивать. Не дай бог фээсбэшникам когда-нибудь попадётся моя история поиска.

Я долго мнусь перед комнатой нерадивого «братца»: то прикладываю ухо к двери, прислушиваясь к звукам внутри, то топчусь на месте в нерешительности, протягивая руки к ручке. Но в итоге сама себя костерю за мнительность и ухожу в магазин.

А когда возвращаюсь, в квартире витает сбивающий с ног аромат перегара напололам с удушливым мужским одеколоном. Спасибо распахнутой двери в логово «братишки», коего самого в квартире вообще не обнаруживается.

Ну, в принципе, если мы и дальше не будем сталкиваться, жить можно.

Главное – окно оставлять открытым на проветривание.

Но зря я рассчитывала, что мне так повезёт.

Глава 3

Наше настоящее знакомство состоялось вовсе не в то субботнее похмельное для Алана утро. И даже не в воскресенье, когда мы дважды пересеклись на кухне и один раз в дверях ванной комнаты.

Оно обрушилось на меня в полной мере всего апокалипсиса в самый важный день в моей жизни – первый учебный день в институте.

– Да гребаный свет! – вырывается из меня ругательство.

Но, к чести сказать, мне было больно. Очень.

Я завывала, прыгала на одной ноге и костерила по чем свет зря диваны с ножками. Мой мизинец и так повидал на своём веку два вывиха, ничему жизнь не учит. И это в такой важный день!

– Господи, какая ж ты громкая, – разносится хриплый звук по комнате, сопровождая лениво шествующего к холодильнику Алана. – Если это была попытка тихо проснуться, то это провал.

– А если это была попытка тихо умереть? – огрызаюсь, растирая ушибленное место.

– Тогда постарайся хотя бы не на моём ковре, – засовывая голову в холодильник, парирует «братик».

– У тебя нет ковра.

– Вот именно. Не порть интерьер. – Захлопывает дверцу,

прислоняется к ней спиной и откупоривает банку с колёй.

Не пиво. Уже прогресс.

Я закатываю глаза и, хромая, направляюсь на кухню. Там меня поджидает заварившееся в дрип-пакете кофе и сырники из гастрономии за углом. Я без завтрака никуда не поеду. Мозги на совершенно пустой желудок отказываются соображать. А оно мне сегодня не надо.

– М-м-м, кофе, – чуть ли не нависая над моей чашкой, втягивает носом воздух Алан.

– Мой, – произношу твёрдо и отодвигаю чашку подальше.

Тут главное – не дать слабину с первых же дней, а то сядет на шею, ножки свесит и уже через неделю я буду его личной кухаркой и закупщиком провианта.

Не-а. Со мной за авторитет ещё повоевать придётся.

– А я слышал, жить с девушкой круто, – усмехается он, выпрямляясь. – Лжецы. – Снова присасывается к банке с газировкой. – Никаких привилегий.

– Между братом и сестрой это не работает, – сухо замечаю я, присаживаясь за стол.

Алан прислоняется к столешнице бедром и пристально наблюдает за тем, как я отламываю ложкой кусок сырника. Кажется, он даже тяжело сглатывает.

О боже, ладно. Не могу же я всерьёз есть, пока тут кто-то сверлит меня голодными глазами? Даже если этот «кто-то» мне категорически не нравится.

– Так и быть, можешь присоединиться. В холодильнике

ещё два сырника, – цокаю, сама от себя не ожидая такой щедрости.

И поскорее запихиваю себе в рот завтрак, чтобы не ляпнуть ещё что-нибудь непозволительно щедрое типа «и кофе можешь взять в нижнем ящике».

– У меня непереносимость лактозы, – обрубаю мой порыв великодушия колкой усмешкой. – Забыла?

Теперь его взгляд переходит на меня и, кажется, впервые за несколько дней нашего знакомства внимательно меня изучает. Мои уши начинают пылать. Слава богам, они закрыты распущенными волосами, а лицо сохраняет максимальную беспристрастность.

Как, мать его, я могла так проколоться с самого начала?

Я всё ещё жую, оттягивая время, надеясь, что он сам придумает мне оправдание, но он умеет играть в эти игры не хуже моего. Чёрт.

– Подловил, – изображаю лёгкую улыбку на губах. – Это был мой коварный план – накормить тебя сырниками и наблюдать последствия. – Хитро прищуриваюсь, придавая себе более театральный вид.

Я тоже, если что, с Веткой в кружок ходила. Вечно она меня во что-то втягивает.

Алан тем временем ставит локти на столешницу и приближает своё лицо к моему, будто хочет просканировать до косточек.

– Да, именно такой я тебя и помню. Коварна и хитра, как

и в девять лет, – ухмыляется.

– Вообще-то это ты мне жуков в трусы напихал! – возмущаюсь, разыгрывая единственный козырь, который был у меня на руках от Ветки.

– Жука. Это был один малюсенький жучок. – Показывает пальцами сантиметра полтора, не больше. – За то, что ты на полдня заперла меня в уличном туалете, маленький монстр. Дед в тот день, как назло, решил пропустить утренний ритуал с сигареткой, и я застрял там до солнца в зените.

Я поджимаю губы, пытаюсь не рассмеяться. Ай да Ветка. Это так на неё похоже.

– Странно, – вдруг задумчиво тянет Алан. – У тебя вроде не было веснушек. А сейчас есть.

От его наблюдательного замечания я сменяю несколько окрасов за секунду: от нежно-розового к белому, а затем до серо-зелёного. Че-е-ерт. Об этой маленькой детали мы совершенно не подумали!

– Да, девочки растут, меняются. Веснушки, сиськи... – не придумав ничего остроумнее, выдаю я. И даже слегка прогибаюсь в спине, выставляя свою бодрую двоечку в свободной рубашке.

Это срабатывает. Алан явно смущается от того, что невольно бросает взгляд туда, куда братьям не положено, выпрямляется и, допив одним махом колу, наконец отходит от меня на приличное расстояние.

– Что, сегодня первый учебный день? – переводит тему на

более нейтральное поле, роясь в верхнем шкафчике.

– Ознакомительный. Нужно получить пропуск, расписание, найти аудитории, познакомиться с одногруппниками...

– Ха, удачи, – салютует мне выуженной откуда-то из закров пачкой чипсов.

Блин, как он гастрит ещё не заработал с таким питанием.

– У тебя было всё так плохо?

Достаю телефон и быстро печатаю Ветке:

«У твоего брата аллергия на лактозу, спасибо, что сообщила»

А следом ещё одно:

«Он запалил веснушки»

– Да, одни ботаны и задроты и ни одной девчонки на курсе, – пожимает плечами, принимаясь хрустеть.

– Редкая профессия? – интересуюсь и сразу же клянусь себя за такое любопытство.

Ветка должна была такое знать!

«Наблюдательный засранец» – приходит от Ветки.

Даже слишком.

«Ври как боженька» – догоняет следом.

Я стараюсь, подруга, поверь. Но мастерство у меня хромает, я же всё-таки не ты.

– Робототехника, – с наполовину забитым ртом объясняет Алан, не почуяв нестыковки.

– Как интересно! – восклицаю искренне.

– Скукотища, – равнодушно констатирует он. – Батя за-

пихнул. Ну ты знаешь. – Кивает на меня.

Ах да. Ветку тоже «запахнули». Она ни в жизнь бы на экономический не стала поступать.

– Ладно, мне пора, – делая последние глотки кофе, вскакиваю с места. – Фиг его знает, сколько добираться придётся, не хочу опоздать.

– Тебе по синей ветке три остановки...

– Я знаю, – споласкивая посуду, киваю.

Вчера все маршруты изучила досконально. Включая пеший.

– Потом пересядешь на голубую...

– Зна-ю, – вытираю руки и иду за сумкой.

– С собой обязательно паспорт, – идёт за мной, продолжая говорить с забитым ртом. – И ручку возьми.

– Да знаю я! – уже раздражённо рывкаю.

Алан глухо смеётся. Да он просто троллит меня!

– Тебя так легко вывести. Будет весело, – салютуя полупустой пачкой чипсов, скрывается у себя в комнате.

– Говнюк, – приглушённо кидаю ему в спину.

Нормально же общались, что началось-то?

Глава 4

Экономический факультет встречает меня шумом, стеклом, бетоном и амбициями.

Всё, как я и представляла.

Ещё на подходе к зданию одного из крупнейших экономических институтов страны моё сердечко радостно подпрыгивает, словно баскетбольный мячик в руках профи. Мне нужно пару минут, чтобы осознать. Серьёзно. Это величественное здание, колонны, гордая приставка «при правительстве РФ» и окна... Много, много окон. Там пройдут мои ближайшие годы.

Лёгкий трепет грозитя вот-вот перерасти в панику, так что я глубоко вздыхаю и поднимаюсь по высокому крыльцу напрямиком в распахнутые двери вуза.

Высокие потолки, стеклянные стены, светлые коридоры. На стенах – портреты выпускников, ставших кем-то большим: владельцами компаний, министрами, финансовыми директорами.

У меня внутри всё приятно сжимается.

Вот он.

Мой новый мир.

Мир формул, кейсов, графиков и шанса вытащить себя в совершенно другую жизнь. И я его не просру.

Немного поблуждав по первому этажу, нахожу лестницу

на второй и ищу тот самый кабинет из приветственного письма. Куратора. Возле нужной двери обнаруживается разношёрстная шумная толпа, которую я аккуратно пытаюсь рассмотреть. Скорее всего, это мои будущие одноклассники.

– Привет! – возле меня останавливается светловолосая девчонка с непослушной, лезущей в глаза, чёлкой. – ЭК-117? – обращается ко всем сразу.

Кто-то кивает, кто-то выкрикивает «она самая».

Значит, и я по адресу.

– Фух, что-то я перенервничала, – начинает тараторить девчонка. – Или кофе перепила. Где здесь туалет, не видела? – обращается уже точно ко мне.

– На первом этаже точно был. За постом охраны, перед лестницей, – делюсь своими наблюдениями.

Девчонка кидает взгляд на свои Apple Watch, морщится и перетаптывается с ноги на ногу.

– Блин, успеть бы. Займёшь мне место, если что? – просит меня.

– Да, без проблем, – улыбаюсь ей.

Не думала, что заводить друзей так просто. У меня всю жизнь одна только Ветка была, и она очень ревностно относилась к любому, с кем еще я пыталась общаться.

Коммуникативные навыки у меня на нуле.

– Спасибо, спасибо, – впихивает мне в руки свою сумку. Вот это уровень доверия. – Я Катя. Кэти.

– Эля.

– Ты – лучшая.

Катя-Кэти уносится по коридору со скоростью света, и ровно через минуту дверь кабинета открывается, и нас запускают. Вот блин.

Здесь человек тридцать.

Мы проходим в кабинет, который по факту оказывается огромной аудиторией с амфитеатром. Всё пространство заливают солнечный свет, из поистине гигантских окон видны соседние здания, дорога и стеклянные башни вдалеке. С ума сойти.

Народ затекает в аудиторию скорым потоком, и очень быстро последние ряды оказываются забитыми под завязку. А поскольку я не из трусливых (в школе всегда сидела на первой парте) и на мне лежит ответственная миссия не проворонить Катю-Кэти, когда она вернётся, занимаю места прямо напротив преподавательской трибуны.

Катя врывается в аудиторию, когда куратор потока уже начинает свою речь. Я коротко ей машу, обозначая своё место. Она приосанивается, перекидывает длинные блондинистые волосы за спину и не спеша, с чувством собственного достоинства, проходит к свободному месту, громко цокая каблуками. Даже будто наслаждаясь, что все на неё пялятся. Если честно, она мне всё больше напоминает Ветку. А это не может не вызывать симпатию.

– Че за место, – шепчет она мне, смешно округляя глаза.
– Мы же здесь всё время на виду, даже войсы не записать.

– Я боялась, ты меня не найдёшь.

Она насмешливо фыркает, окидывая меня странным взглядом.

– В следующий раз места забиваю я!

Она излюбленным жестом откидывает волосы за спину и выпрямляется, вслушиваясь наконец в речь куратора. Моих губ касается лёгкая улыбка. Кажется, у меня появился первый друг. И всё уже видится не таким страшным.

– О господи, пять пар уже завтра! – возмущается Катя после вводной лекции.

Мы бредём по коридору с папками, которые нам раздали, и читаем вложенное в них расписание.

– Четыре пары... нет, шесть пар по экономике в неделю!
– протяжно стонет она.

– Мы, вроде как, на экономическом учимся, – смеюсь я.
– Логично.

– А ты отличница, медалистка, активистка, да? – кидает на меня насмешливый взгляд. – Вас сразу видно.

Я молча пожимаю плечами. А что тут скажешь, если «сразу видно». Если честно, я думала, здесь все будут как я. Всё же один из лучших вузов страны, бешеная конкуренция на бюджет, дикий порог проходных баллов...

– Да не парься, я тоже отличница, медалистка и всё такое в этом роде, – смеётся она. – Просто не до такой степени, чтобы радоваться такой нагрузке. – Вскидывает злополучный листок с расписанием. – А ещё у меня мама классный

руководитель была. Мне натянули везде, где можно. – Тихо добавляет: – Кстати, ты поняла эту фишку с числительной и знаменательной неделей? – снова обращается ко мне.

– Ага, – киваю я. В принципе, это элементарно.

Числительная неделя – расписание над чертой, знаменательная – под.

– Слава богу, – вздыхает Катя. – У меня дар заводить полезные знакомства, не иначе!

– Девчонки, – на наши с Кэти плечи опускаются тяжёлые руки, приобнимая. – Знакомиться будем?

Долговязый парень с выбритыми висками подмигивает сначала мне, потом моей спутнице.

– Матвей.

– Кэти, – расплывается в улыбке подруга.

– Эля, – включаюсь я.

– Кто из вас умнее, к кому подсаживаться списывать? – сразу прощупывает почву.

– О-о-о, это точно к ей, – тычет в меня предательница. – Но место уже забито мной, так что...

– Значит, я буду списывать у тебя, когда ты спишешь у неё, – широко улыбается Матвей. – Мы тут собираемся уже мини-группкой на пати-знакомство. Присоединитесь?

Ого, как быстро. Обалдеть.

– Конечно! – с энтузиазмом отвечает за нас двоих Катя. – Куда пойдём?

– В «Сёрфе» кофе попьём, пара станций отсюда. Народ, –

Матвей оборачивается и кричит ребятам сзади: – Красотки в деле!

Сзади слышится улюлюканье, и я давлЮ смущённую улыбку. Не то чтобы я не считала себя красивой, просто какое-то неловкое чувство, когда тебя так быстро берут в оборот.

Компания и правда собралась небольшая, человек десять из всей группы, но по уровню создаваемого нами шума было похоже на толпу с концерта Егора Крида. Кажется, мне никогда ещё не было так легко общаться с людьми. Наверное, сказывается то, что все здесь в большей или меньшей степени единомышленники, и то, что без ширмы в виде Ветки я теперь не на вторых ролях.

Я делаю несколько селфи и парочку общих планов и отправляю Ветке, чтобы держать её в курсе. В ответ она присылает блюющего котика. Ну да, это не Дубай. Но мне здесь чертовски хорошо.

И на пару часов мне даже удалось забыть, в какой идиотской истории я оказалась с этим «братиком» и квартирной ситуацией.

Глава 5

Следующее утро, впрочем, напоминает во всей красе, где, с кем и почему я живу.

«Мама достала, спрашивает про занятия. Кинь мне расписание на неделю»

«И фотки каких-нибудь конспектов!»

«Не, конспекты не надо, она по подчерку сразу прошарит, что это не моё»

«Сфоткай чьи-нибудь из группы, у кого такой же корявый!»

Телефон не перестаёт пиликать, пока я умываюсь, и даже умудряется от вибрации свалиться с раковины.

Да чёрт тебя подери.

Выхожу из ванной комнаты, быстро печатая Ветке ответ и скидывая фотки, что успела наделать в группе. От неё сразу же прилетает:

«А что за красавчик слева?»

Ветка во всём великолепии. В Дубае с Серёжей своим тусит, но цепкий глаз выискивает будущих жертв. Возможно, для меня.

«Картавит и воняет», — отправляю ей лаконичное, хоть и не совсем правдивое. Просто чтобы обрубить на корню её инициативность.

Илья на самом деле душка.

Алан сидит за кухонной стойкой и тоже увлечён чем-то в своём телефоне. Сегодня он ранняя пташка. Низко склонив голову, что-то медленно листает, но, увидев меня, резко гасит экран.

– Ты чего? – интересуюсь странной реакцией, подходя ближе.

– Ничего, – отвечает уж слишком быстро. Что подозрительно.

Встаёт и поворачивается к столешнице, на которой при-
мостился заваривающийся доширак. Пока он стоит спиной,
экран его телефона загорается сообщением:

«Удалил?»

От Ванса.

Хм.

– Ты когда-нибудь делала что-то, что не хотела, но должна? – устало выдохнув, философски интересуется Алан, включая чайник.

Опирается на кухонный модуль и устало прочёсывает копну непослушных волос.

– О чём речь? – аккуратно интересуюсь я.

Ох уж эти философские разговоры с утра пораньше. С чего вдруг?

Алан молчит несколько секунд, безразлично всматриваясь в пустоту перед собой.

– Да забей, – возвращает на лицо легкомысленную маску.

– Так, пара ненужных фотографий, а с ними и воспоминаний. – Кривится в улыбке.

Но улыбка, скажем откровенно, выходит жалкая.

И мне впервые приходит в голову мысль, что Алан не такой плоский, как я решила поначалу. И за его шутивным язвительным фасадом скрывается какой-то объёмный перс.

Я подозрительно прищуриваюсь, откровенно разглядывая его, отчего он, кажется, тушует. Заливает кипятком чай и садится за кухонный островок.

– Мне говорили, девушки аккуратные, – ловко переводит тему, кивая мне за спину.

Я смеряю его уничижительным взглядом, преодолевая желание ткнуть ему в его наглое лицо средний палец, и плетусь к эпицентру апокалипсиса. Поднимаю с пола джинсы, на которые уже дважды наступала за это утро, и свитер, который по-хорошему надо кинуть в стирку. «Братик» ещё и насмехается надо мной, хотя сам ни единой полочки в своём огромном шкафу не выделил. Я видела этот шкаф, я хочу этот шкаф! Но вместо него ко мне едет маленькое недоразумение, единственное, что можно запихнуть в гостиную, чтобы осталось место для прохода.

Кидаю джинсы на стул, с которого они тут же соскальзывают, и тот опасно накреняется, грозясь уничтожить всё моё вещичное сооружение. Да гребаный свет.

А ведь у меня в руках ещё свитер и пиджак. Куда всё это примостить, чтобы оно не выглядело как из...

– На то, что у тебя есть уют, надеяться даже не стоит?

– Даже не знаю, как он выглядит, – жуя очередную отраву в виде дошика, смеётся наглец.

– Значит, уют, – вытягиваю блокнот со списком покупок из залежей на диване и вписываю очередной пункт.

– Знаешь, это похоже на оккупацию, – продолжает троллить меня Алан, светя слишком довольной для утра вторника рожей и голым торсом.

– Ой да заткнись ты! – стараясь не обращать внимания на его обнажёнку, бурчу я.

– Серьёзно. Вражеский захват территории, своевольное присвоение владений, я даже диваном воспользоваться теперь не могу, – тычет в меня вилкой. – А сегодня матч по телеку.

– О, бедняжка. Телевизора в спальне нет? – строю комично жалостливую рожицу.

Он зло прищуривается.

– Меняю телек на пару полок! – выдаю гениальную, на мой взгляд, идею.

– Ха! Ещё чего. Если ты залезешь в мой шкаф, придётся грохнуть тебя, как свидетеля. – Оборачивается к мойке и ставит туда грязную тарелку.

Он же специально это делает. Судя по тому, в каком виде он разгуливает по квартире, у него двое брюк и одна футболка, и та сейчас в стирке.

– Помой, пожалуйста, тарелку сразу, – великодушно про-

шу его, видя, как он уже чешет к спальне.

Серьёзно, он что, рассчитывает, что я за ним буду тарелки намывать? Или планирует собрать башню из грязной посуды и привлечь тараканов? Это же старый фонд, алё!

– Душнила, – закатывает он глаза, но плетётся обратно.

– Знаю, – улыбаюсь, поднимая свою чашку с кофе и салютуя ей. На ней гордо красуется надпись «Душнила №1».

– О, тебя ненавидит кто-то ещё помимо меня, – усмехается он.

– Вообще-то это подарено с большой любовью, – делаю глоток кофе и с нежностью смотрю на кружку.

Ветка подарила пару лет назад. Это наш с ней прикол.

Телефон рядом с Аланом начинает долбить зубодробящим рингтоном. О боги.

– Хм. Интересно, – задумчиво тянет «братик», всматриваясь в экран. – Твоя мать звонит. – Оборачивается на меня.

Сердце громко ухает в пятки, прямиком через трусы. Клянусь, будь мой мочевого чуть более слабым, я бы уже напрудила под собой лужу.

Дьявол, дьявол, дьявол.

Что же делать???

Пока я лихорадочно думаю, какого же чёрта тётя Люба решила позвонить Алану и что, мать его, мне делать, «братик» уже отвечает на вызов.

– Здравсьте, тётя Люба, – спокойно отвечает он, ставя на громкую связь.

Я сейчас схожну.

Кажется, у меня приступ. Точно, левая рука начала отниматься.

Вот было бы круто!

– Аланчик, привет, дорогой. А Эвочка рядом сейчас?

Думай, думай, думай, чёрт возьми.

Падай в обморок, если ничего сказать не можешь, в конце концов!

– Да, рядом, – кивает Алан.

Нет, обморок – это стопроцентное разоблачение. Родня Ветки же примчится на реактивном самолёте проверять страдающую обмороками дочь.

– Позови её к трубочке, будь добр. А то она совсем пропала, со вчерашнего вечера матери не отвечает.

– Ай-яй-яй, – картинно цокает Алан. – Ты чего маме не отвечаешь? – поворачивается ко мне и тянет телефон.

Моя душа словно вылетела из тела, напуганная до смерти, и сейчас наблюдает за собой со стороны. Я вижу, как протягиваю дрожащую руку и как вторая – всё же левая, может, и правда приступ, – трясётся так, что кофе выплёскивается из кружки.

Точно!

Одним неловким, хоть и чётко выверенным движением я опрокидываю целую горячую кружку кофе на себя и громко вою.

– Чёрт! Ай, как больно! – оттягиваю мгновенно пропитав-

шуюся кофту и убегаю в ванну.

Слышу, как Алан объясняет тётке Любе, что произошло, и просит не волноваться, мол, я жива, здорова и наберу им как смогу.

Господи, спасибо тебе за горячий кофе.

Даже пожизненные ожоги меня сейчас не пугают так, как разговор с мамой Ветки. Фух. Я спасена.

Стягиваю пропитанную сладким кофе кофту, скидываю лифчик, которому тоже досталось, и так и застываю перед зеркалом. Сейчас одежда вообще не главное.

– Ты жива там? – стучит в дверь «братик».

– Да, – отвечаю дрожащим голосом. – Всё нормально.

– Мама сказала, чтобы ты обязательно перезвонила. Говорит, голос у тебя какой-то странный.

У меня всё внутри обрывается.

Ещё бы он не был странный!

Достаю телефон из заднего кармана и принимаюсь лихорадочно набирать сообщение подруге. Буквы скачут и путаются, и на выходе складывается ощущение, что писал человек с дислексией. Насколько проще было бы записать голосовое! Но фактор греющего за дверью уши «братика» совершенно исключает такую возможность.

Ну давай же, давай. Читай!

Сейчас тётя Люба снова позвонит – и всё! Нас накроют.

Проходит минута, потом вторая. Предательская синяя галочка всё так же одна. Я начинаю судорожно рыться в белье-

вой корзине, чтобы хоть чем-то прикрыться. Ничего, кроме футболок Алана. Естественно.

Вытягиваю ту, что воняет не так интенсивно, и накидываю.

Это всего на пару минут.

Хватаю телефон. Две галочки. Слава небесам!

Судорожно выдыхаю, ощутив, как с плеч свалился невероятный груз. Это всё не для меня. Я так не могу.

Каждый долбаный день жить на грани разоблачения. Притворяться, выкручиваться и врать – совершенно не моё. Это против моей органики. Я думаю, даже в Москву я решилась поступать по большей части потому, что устала от мамы татушку прятать. Какую-то мелкую сраную татушку.

А тут нужно прятать всю себя! Двадцать четыре на семь.

Нет, это точно не для меня. Сейчас постираю кофту, ототру лифчик и пойду сдаваться с потрохами.

Глава 6

– Так. Это что, моя футболка? – первое, что встречает меня при выходе из ванной комнаты.

Надо признать, что, усиленно поработав руками и мылом, я немного остыла и отошла. К тому же Ветка прислала сообщение, что все ок, с мамой поговорили.

А следом она прислала милое голосовое, как обожает меня и мои мозги, так ловко выкрутившиеся из засады. И миллион благодарностей, что я даю ей жить ее лучшую жизнь. Следом еще был длинный рассказ о том, почему она вчера и сегодня пропустила мамины звонки, в котором фигурировало шампанское за сто баксов за бокал, шикарный ресторан и жуткое похмелье.

И я правда отошла.

Все нормально. Сегодня просто было легкое ЧП, такое больше не должно повториться. Мы справимся.

Я справлюсь.

– Ошибаешься, это моя футболка, – с непроницаемым лицом стебусь я, выживая из чемодана новый лифчик.

– С Мортал Комбат? – изгибает брови Алан, откидываясь на стуле.

Все еще полуголый. Боже. Хоть кидай в него его же футболкой.

– Мой любимый фильм, – раскручивая на пальце лиловый

атрибут нижнего белья, важно заявляю.

– Игра, – насмешливо поправляет «братик», приклеиваясь взглядом к вычурному лифаку.

Мне кажется, или он смущается? Что это за странное выражение лица?

Да не, невозможно.

Телефон в заднем кармане пиликает входящим сообщением.

– Маме позвони, – напоминает Алан.

– Я ей написала, что наберу по пути в институт. Девчачьи разговоры, сам понимаешь, не для твоих ушей, – разблокирую экран и радостно восклицаю: да!

– Что, будете меня обсуждать?

– Что? – поднимаю на него взгляд.

На меня Алан больше не смотрит. Убирает со стола.

– А, нет. Просто шкаф пришел! – потрясываю телефоном в воздухе.

– Ты заказала шкаф? – кривится он. – И куда собралась его ставить?

– Закрою твой дверной проем. Не доставайся же ты никому, спальня, – взмахиваю руками, словно держу волшебную палочку.

Лифак, правда, мешает.

– Так и знал, что ты все еще боишься спать одна, – фыркает, упираясь локтями в столешницу.

Его тело так изгибается, что видно каждый рельеф. Нет,

ну какого черта он без футболки при мне шляется? А если я в одном лифчике перед ним красоваться буду?

От этой мысли уши снова начинают печь. Не знаю, какие именно картинки меня смущают, где я полуголая, или где Алан за неимением возможности попасть в спальню, ютится со мной на диване.

Я больная, не иначе.

– Поставлю его там, – тычу на место между окном и дверью в ванную комнату.

– Чтобы я бился о него плечом каждый раз выходя из душа? Отличный план, – прищуривается он.

Ветка бы мной гордилась. Поддерживаю ее репутацию изо всех сил.

– Может научишься ходить аккуратнее. И в футболке, – кривлюсь, махая на его неприлично обнаженный торс.

Алан расплывается в чеширской улыбке и приосанивается, будто выставляя себя на показ еще сильнее.

– Да ты в жизни голого мужика не видела, – кидает лукаво. – Бедняжка. У меня есть друг, готовый тебя просветить. Если что, обращайся.

Ну не говнюк ли?

Алан отталкивается от столешницы и неспешно шествует к спальне.

– И, кстати, я работать грузчиком не нанимался, шкаф не потащу, – говорит на полпути.

– Да больно надо, сама дотащу! – кричу уже ему в спину.

– Я сильная и независимая!

– Ты – маленькая и тощая, – высовывается лохматая башка. – И точно заработаешь грыжу, – лыбится он, снова скрываясь в комнате.

– Я справлюсь! – зло кричу я.

Вот же... засранец. Все настроение испортил!

– Жаль не смогу заснять видео, такой контент бы был! – выходит из спальни уже одетый.

Да как ему это удастся? Минута – и он прилежный ученик в рубашечке, застегнутой на все пуговицы!

– Сегодня решил посетить занятия? – ехидно интересуюсь, все еще расхаживая с лифчиком наперевес.

Надо уже удалиться в ванную и приодеться.

– Да, придется. Новые преподы, – приглаживая непослушные вихры на голове перед зеркалом, говорит Алан. – Последний курс, как никак, – подмигивает мне в отражении зеркала и, схватив телефон и ключи, скрывается за входной дверью.

Я сильная и независимая. Да. Сильная и независимая. И сама дотащу сегодня чертов шкаф после занятий. И соберу его тоже сама. Много там ума надо.

Но ума оказалось недостаточно. Либо я оставила его сегодня на парах, которые высосали из меня всю бодрость и позитивны настрой.

Я погуглила ближайший ПВЗ, он находился всего в деся-

ти минутах ходьбы от дома. По карте. В реальности – в параллельной вселенной за тремя дворами, двумя шлагбаумами и одним особенно злачным ларьком.

И именно оттуда я должна тащить коробку, размером с гроб. Мой гроб, если я его не дотащу. И такую тяжёлую на вид, что у меня в голове автоматически заиграл траурный марш. А изо рта непроизвольно вырвался истерический смех.

Класс.

Несколько домов я тащу шкаф с достоинством. Дальше – уже с матами. Возле соседней «Пятерочки» – с полным переосмыслением жизненных решений.

Коробка постоянно норовит выскользнуть, цепляясь за бордюры, за кусты и за моё чувство собственного достоинства.

– Девушка, помочь? – участливо интересуется какой-то мужчина с пакетом из супермаркета.

– Нет! – гаркаю я так, что мужик аж отскакивает и стремится побыстрее скрыться с моих глаз.

Вот дура.

Сильная, независимая дура.

Когда я наконец дотаскиваю коробку до подъезда, руки дрожат, волосы выбились из хвоста, а на лице, наверное, читается всё, что я думаю о мебельной индустрии.

И, конечно же, у подъезда стоит Алан.

Со стаканчиком из модной кофейни и с самым невыноси-

мо довольным лицом.

– О, – протягивает он. – Контент сам пришёл ко мне.

– Ни. Слова, – выдавливаю я сквозь зубы.

Он медленно окидывает взглядом коробку. А затем и меня. Отчего кожа начинает пылать. Отвратительное ощущение.

– Почему не заказала доставку, дурында? – удивляется он.

Да черт побери. Можно же было заказать доставку!

– Хотела прогуляться, – гордо задираю голову.

Но, господи, остатки гордости уже не спасти. Скептический взгляд Алана говорит ярче слов: он понял, что я просто не допетрила до этого.

– Ты сейчас прямо тут кони двинешь, а мне потом отчитываться перед твоей матерью. И своей.

– Все нормально. Шкаф уже почти дома. Я смогла.

– Ты дотащила его до подъезда.

– Это тоже победа.

И усмешка его меня бесит.

– Горжусь тобой. Осталось всего четыре этажа без лифта, – отпивает из чашки и наблюдает за сменяющимися на моем лице эмоциями.

Да гребаный же свет.

– Че-е-ерт...

– Ты забыла?

– Я была занята выживанием!

Печально выдохнув, я прислоняю коробку к стене подь-

езда и медленно сползаю по ней же на корточки.

Устала, как собака.

– Повезло тебе, что у меня большое сердце, – в очередной раз присасываясь к кофейному стаканчику, тянет Алан. – И то, что сегодня интересный матч по телеку.

– Похоже на шантаж, – устало бурчу я.

– Так и есть. Телек и диван на вечер за доставку на этаж.

– По рукам, – в отчаянии соглашаюсь.

Поднимаюсь на дрожащих ногах и встряхиваю тело. Последние усилия, и готово. Вдвоем мы точно справимся.

– Тпррру, – останавливает меня Алан. – Не гони лошадей, без тебя справятся, – отодвигает меня от ненавистной уже коробки.

– Здрóво! – рядом, словно из ниоткуда, появляется какой-то зализанный парень с электронкой в зубах и пожимает Алану руку.

Похожий на Алана, как брат. Разве что повыше чуток и с выражением лица попроще. Я в афиге пялюсь на него.

– Здрóво! – выскакивает еще один косматый.

Такой же темноволосый, но пониже, разве что с не сходящей с лица улыбочкой.

– Привет, – голоса сзади два женских голоса в унисон.

– Всем хаюшки, – машет разношерстной толпе Алан.

Это еще что за...? Это же не случайные прохожие, да? Сдается мне, «братик» забыл упоминуть, что зазвал сегодня гостей!

– Где Ванса потеряли? – интересуется у ребят.

Так это еще не все???

– За Портером поперся в дальний магаз, – выпуская фруктовый дым из парилки, говорит зализанный.

– Значит, втроем потащим, – «братец» кивает на мою коробку. – Это, кстати, Эвелина. Систер, – объясняет он всем.

– Аншанте, – шутовски отвешивает мне поклон этот самый лохматый дружок.

– Че ты несешь, – закатывает глаза Алан, выбрасывает стаканчик в ближайшую мусорку и идет к коробке.

– Что? В фильме каком-то старперском видел. По-моему, кайф, – расплывается в белозубой улыбочке, направленной на меня.

– Этот клоун – Кир, – берясь за будущий шкаф, представляет мне ребят, Алан. – Второй – Дэн, там – Маша и Лера. А теперь давайте уже тащить это дерьмо.

– Наконец-то и на Аланчика найдется управа, – захватывая меня с двух сторон под руки, шепчут девчонки.

– Маша – это я, – говорит та, что справа. Короткостриженная шатенка с глазами на пол-лица. – Клоун – мой, – смеется, показывая на того, что с курилкой. – Дэнчик – Леркин, – кивает на подружку попроще, русо-рыженькую. – Это так, чтоб недомолвок потом не было, – объясняет она, ведя меня в подъезд.

– Я не претендую, – обозначаю сразу.

– Вот и отлично, тогда точно подружимся.

Парни тащат коробку втроем, и все равно матерятся будто опытные грузчики. Я ехидно ухмыляюсь, плетясь позади вместе с Машей и Лерой. Я протащила ее одна до самого дома! Звание сильной и независимой по праву заслуженно.

Правда через несколько минут я об этом звании горько жалею.

Глава 7

– И ради этого вы отжали мой диван?

Моему возмущению нет предела! Пока я тут разбираюсь, где планка «В», а где «С», и как крутить эти чертовы болты, они страдают какой-то фигней!

– Ты удивишься, но это реально увлекает, – проходя мимо с миской, полной чипсов, комментирует Маша.

– Ну давай же, Диего, тебе как палец обоссать этот синий! – кричит Кир, увлеченный зрелищем на экране. Его патлы смешно колышутся от того, как активно он скачет на диване.

– Говорят «пальцы об асфальт», – исправляет его Дэн.

– Никогда не понимал этого выражения, – отмахивается Кир. – Обоссать хотя бы логично, проще. Спасибо, детка, – целует подошедшую с закуской девушку.

– Когда ты сказал, что вы будете смотреть матч, я предположила, что это будет футбол или хоккей... – Закручивая очередной болт шестигранником, обращаюсь к занявшему придвинутый к дивану стул, «братiku».

(Да, за последние пятнадцать минут я неплохо расширила мой словарный запас по части монтажных инструментов.)

– Или теннис на худой конец... – палец соскальзывает, и я ударяюсь о дощечку. – Блин!

Я трясу ушибленным пальцем и краем глаза замечаю, как по полу ко мне придвигается другой шестигранник из ком-

плекта. Это, конечно, не полтергейст, его двигают длинные мужские пальцы. Я вскидываю глаза на Алана, свесившегося со стула, и встречаю его непроницаемый взгляд с нахмуренными бровями.

– У этого ручка удобнее, не скользит, – поясняет он и тут же выпрямляется, возвращая взгляд к экрану. – Не благодарю.

А я и не собиралась!

Это же он виноват, что я тут одна сижу этот идиотский шкаф собираю. Ладно. Моя вина в этом тоже есть, не надо было открывать свой рот и стебаться над парнями, пока они потели, затаскивая коробку на четвертый этаж без лифта. Вот братик и строго-настрого запретил лишать меня, «сильную и независимую» удовольствия.

Злопамятный жук.

Сам же палит.

Тянусь к новому шестиграннику и принимаюсь снова крутить болты. И правда удобнее. Кидаю взгляд на Алана и замечаю, что он ненароком поглядывает на мои руки вместо того, чтобы, как остальные, пялиться на экран.

Еще немного – и он не выдержит, зуб даю. Сам возьмется за работу.

– Так почему не футбол? – возвращаюсь к непринужденному разговору, пытаюсь согнать с себя странные покалывающие ощущения.

– Слишком мало шариков! – подает голос с дивана Кир,

даже не оборачиваясь.

– Слишком мало шариков, – подтверждает Алан, пожимая плечами.

– Но это даже не спорт! – откладывая очередную собранную деталь, парирую я.

– Дэн, ты слышал? – тычет в спину друга Алан. – Давай свою короночку.

– Бильярд – это организованный вид спорта с чёткими правилами и международными соревнованиями, – обернувшись на меня, выдает самый немногословный человек в этой комнате.

Чем пугает до усрачки, серьезно.

Особенно тем, как они с Аланом похожи, разве что последний не носит зализанные гелем назад волосы.

– О-ке-е-ей, – сдаваясь, даже приподнимаю руки в пораженческом жесте.

Лера рядом с ним тихо хихикает и целует его в щеку, будто восторгаясь произнесенным спичем. Они одна из самых странных парочек, что я видела, клянусь.

Звонок в дверь спасает меня от необходимости как-то это комментировать.

– Пиво пришло! – кричит Кир.

Я иду открывать, поскольку, похоже, остальные даже не собираются отрываться от экрана. От бильярда. Я все еще в шоке.

– Привет-привет, – расплываясь в ослепительной улыбке,

слащаво выдает парень за порогом.

Чуть пониже своих друзей-шпал, но такой же стильно лохматый, хоть и русоволосый. И, пожалуй, дерзкий. В модной джинсовке и темных очках, которые сдвигает в копну волос, чтобы проскользнуть по мне тягучим взглядом с ног до головы. А ещё глаза. Да, глаза - то, что выгодно отличает его от дружков. Никогда не видела такого экзотического разреза и цвета.

Залипательное зрелище.

– Давно говорил, нам не хватает новой крови в компании. Спасибо, что прислушались! – кричит вглубь квартиры.

– Это сестра, – кричит в ответ Алан. – С малой лапы не распускать!

– Эх, вечно все самое лучшее – и не мне, – огибая меня, парень в джинсовке проходит в квартиру и ставит на пол связку банок пива. – Когда уже и на моей улице будет праздник? Сева, – представляется он.

– Они тебя как-то по-другому звали, – хмурюсь, пытаюсь вспомнить.

– Дурацкое прозвище, – отмахивается он.

– Эля. У меня тоже есть дурацкое прозвище, – доверительно шепчу я. – Друзья – беспощадны.

– И не говори, – заговорщицки понизив голос, констатирует он. – Поделишься своим?

– Только в обмен на маленькую услугу, – приблизившись к его уху, говорю я. – Мужскую.

Я ведь могу переманить этого не заинтересованного в месте мне человека на свою сторону, правда?

– Это по моей части, – смеется, приобнимая меня за плечо, и ведет в гостиную.

– ПОСЛЕДНИЙ ШАР! – именно в этот момент орет Кир, как сумасшедший. – Давай, Диего, давай!

– О, все веселье пропустил, – с напускным расстройством выдает Сева.

– Что в этом вообще интересного? – закатываю глаза.

Смотреть, как кто-то катает шары. По телеку. Отстой.

– Всё! – одновременно кричат пять человек.

– Ладушки, – выпутываюсь из объятий Севы и возвращаюсь к своему взрослому лего. – У меня тут веселье не хуже. Присоединишься? – с улыбкой спрашиваю у новоприбывшего.

Староприбывших смысла спрашивать нет, как мы помним.

Сама виновата, да-да.

– Да без проблем, – скидывая куртку, легко соглашается мой новый лучший друг. – Смотрю, джентльменство в этой квартире умерло. Но пришел спаситель!

– Алан нам запретил помогать, – сдает с потрохами дружочка Дэн.

– А я анархист. Не признаю ничьей надо мной власти! Тащи инструкцию, Эль, – присаживаясь рядом, рассматривает конструкцию, которую я уже собрала.

Три деревяшки неплохо соединены между собой, я считаю!

– Предатель, – укоризненно шепчет Алан, вставая за пивом.

Но спустя какой-то час и сам не выдерживает и подключается. Этими мальчишками так легко манипулировать.

Глава 8

Если бы кто-то спросил меня, что хуже: жить под чужим именем или жить в проходном дворе, я бы выбрала третий вариант – оба сразу.

Не скрашивают мои будни даже отлично собранный шкаф, порядок в чемодане и радостные фотки Ветки в бикини, которыми она наводнила мой директ, выбирая, какое лучше.

«Синее – топчик» – печатаю подруге, отвлекаясь от конспектов.

С одной стороны она эсэмэсит как сумасшедшая, хвастаясь загорелыми ногами, с другой толпа ребят ревет, играясь в какую-то дебильную карточную игру. Заниматься совершенно невозможно.

– А они... скоро уйдут? – тихо интересуюсь я, стоя у кухни с учебником в руках.

– Кто? – Алан даже не оборачивается, насыпая чипсы в миску. Сегодня крабовые.

Гастрит уже точит свои ножи, поджидая пять безответственных человек за углом.

– Вот эти... – я осторожно кивнула в сторону гостиной, где кто-то уже орал:

– Да как ты проиграла с козырным тузом!

– Мастерство, – смеется Лера.

– А, – спокойно говорит Алан. – Нет.

Я медленно вдыхаю и выдыхаю.

– В смысле?

– В смысле: нет, – даже не давит широкий зевок. – Это начало.

Я медленно перевожу взгляд на часы.

21:40.

Начало.

– Ты шутишь.

– Я никогда не шучу по важным вопросам, – серьёзно говорит Алан и делает глоток из банки, стоящей рядом.

Три вечера подряд. Три, мать его, вечера! У этих людей нет своего дома?

– И когда же конец? – устало интересуюсь у него, вкладывая в книгу по экономическому анализу закладку.

– Когда соседи стучат в батарею, – подмигивая мне, возвращается к заканчивающим партию в «Дурака» ребятам.

Я прикрываю глаза и мысленно считаю до десяти. Мне нужно заниматься. Но в постоянном празднике жизни это просто невозможно. Они даже мой диван отжали!

– Я вообще-то учиться сюда приехала, – плетусь за «братиком».

– Учись, – пожимает плечами, присаживаясь за стол, на котором уже разыгрывается новая партия.

Боже, что за скуфские увлечения. Вчера Дженга, сегодня

карты. Завтра будут вышивать крестиком?

В этот момент гостиную оглашает громкий возглас:

– Алан! Ванс жульничает! – тычет пальцем в Севу, Маша.

– Ничего подобного! Умей принять поражение!

– У тебя под коленкой шестерка! А ну вставай, небось полколоды скинул под себя! – кричит девушка.

Они классные, правда. Но очень громкие. Я как будто живу в общежитии с оторванной дверью. Мне просто негде уединиться. И притворяться Веткой становится все сложнее с каждым днем.

Вчера я чуть не попала на элементарном: пригласила соседского кота, напрочь забыв об аллергии Ветки (вот же аллергичная семейка). Чему Алан, конечно, был свидетелем и сразу налетел с неудобными вопросами:

– Ты же чуть от отека не сохла, когда тебя дедовский Фунтик хвостом мимоходом задел.

А я в душе не чаю, кто такой этот Фунтик и когда это Ветка чуть богу душу не отдала. И Алан еще так пристально начал вглядываться в меня, что я уже мысленно просила подругу о прощении за столь скорый и нелепый провал. «Брат» будто все понял, а я стояла и мычала, как дура, что много лет пью антигистаминные, и что кошечки стоят любого отека Квинке.

То, что он мне поверил, все еще остается под огромным сомнением. По крайней мере его взгляды стали пристальнее. А я стала осторожнее.

Пока я не огрела его миской для чипсов, Алан скрывается в комнате. Отличный способ убежать от очередной стычки. Однако долго он не отсутствует. Выходит с накинутым на плечи худи и садится возле телека. Дверь в его комнату в кои то веке остается приоткрытой и мне удается немного заглянуть внутрь, слегка отклонившись назад.

Шкаф распахнут, внизу стоит прислоненная потрепанная гитара, а на вешалке среди футболок – подумать только у него их с десятков! – красуется ярко-розовое пятно знакомой толстовки. Я успеваю задеть взглядом смятую постель и тумбу возле нее, на которой лежит рамка для фотографий, повернутая лицом вниз, прежде чем перед моим носом захлопывают дверь.

– Не поленился встать, ты глянь.

– Не шарь глазами, – говорит раздраженно.

– Я примеряюсь, подойдет ли мне твоя комната, – усмехаюсь, присаживаясь по-турецки к столу, за которым рубятся ребята.

– Закатай губу.

– Мне нужна тишина и уединение для учебы.

– Ну... – тянет он, присаживаясь рядом со мной. – В ванной тихо.

– Я не буду заниматься в ванной, говнюк! – бью его кулачком в плечо.

– Ауч, – потирает ушибленное место. – Тогда привыкай. Это нормальный вечер.

– Но не три дня подряд же!

Он привычным жестом пожимает плечами. Мол, почему не три? И ребята будто все притихают, странно отводя глаза. Хоть кому-то здесь стыдно.

– Я займу твою спальню! – перехожу к открытым угрозам.

– Только попробуй, – приближая свой нос к моему, шипит он.

О, а у него, оказывается, тоже есть веснушки. Еле заметные, но все же. Какое некомфортное расстояние, аж нос свербит от его мускусного одеколona.

Я отклоняюсь чуть назад и одариваю его своим фирменным прищуром.

– Бойся меня. Я заберусь в твою спальню, забаррикадирую дверь и выкину твои вещи с балкона.

– Он точно жульничает! Отберите у него карты и обыщите карманы! – врзается в наш бой взглядами высокий голос Маши. – Лерка, держи его! – кидается через стол.

– Кир, держи свою девушку в руках, она лапает чужих мужиков! – поваленный на пол Сева ржет, как сумасшедший, когда девчонки начинают проверять его карманы. – Дэн, Лерка тоже участвует! А ну, усмири ее!

Пацаны тоже принимаются гоготать, не спеша на помощь другу и даже не замечая, что мы с Аланом в каких-то сантиметрах от шеи друг друга в которую планируем вонзить клыки.

– Я повешу на свою комнату амбарный замок! – грозитя

мне. – Чтобы ты не шарила там, пока меня нет.

– Да я ни разу даже не ступила на эту священную территорию, – фыркаю я.

– Да кому ты заливаешь, вся комната твоими духами пропахла. У меня нос, как у ищейки!

– Это, наверное, от баб твоих не выветрилось. Обладательница розовой толстовки на днях заглядывала?

Лицо Алана, еще секунду назад насмешливое и веселое, миг теряет весь задор. Его взгляд резко потухает, он выпрямляется стрелой, и секунду спустя поднимается на ноги. Еще через секунду он уже рыщет что-то в кухонных шкафах.

Я провожаю его недоуменным взглядом. Кажется ненароком я затронула какую-то болезную тему. Только вообще не поняла, что именно так его задело.

Оглядываю ребят, чтобы считать какие-то еще эмоции и сложить пазл, но все максимально увлечены игрой. Или хорошо притворяются.

– Шоты! – кричит из кухни Алан, привлекая всеобщее внимание.

– Да ты издеваешься! – кляню его на чем свет стоит.

Завтра семинар по экономическим моделям. А все, что я успела выучить – словосочетание «экономические модели».

Прикрываю глаза и привычно делаю успокоительный вдох. А затем встаю и решительно следуя за ребятами к источнику веселья.

– Ты издеваешься? – спрашиваю напрямую.

– Немного, – честно признается он, одаривая привычной кривой ухмылкой.

Момента слабости, случайно замеченного мной, как не бывало. В его руке бутылка текилы, а стопки уже выставлены в ряд.

– Мне завтра в университет, – пытаюсь в очередной раз донести до него.

– Мне тоже.

– И ты вот это... каждый день? – машу на ряд стопок, к которым уже тянут руки его друзья.

– Не каждый, – он делает паузу. – Иногда через день.

Я пытаю его взглядом. Но он все еще жив и даже не истекает кровью.

– Ты вообще когда-нибудь бываешь один?

– А зачем?

– Одиночество – отстой! – вклинивается в наш разговор Сева.

– Подтверждаю, – салютуя стопкой с прозрачной жидкостью, присоединяется Кир.

– А мне иногда хочется провести вечер в тишине, – признается Лера с тяжелым вздохом.

Как. Я. Ее. Понимаю.

Все раздражаются громким смехом.

– Ты хотела сказать, наедине с Дэном, – подтрунивает над ней Маша. – Не будь нас вы бы как кролики шпилились... Извращенцы. Да может только благодаря нам ты еще не за-

летела.

Лера заливается густой краской и прячет лицо на груди у Дэна. Очевидно, подтверждая сказанное. Эти двое реально отлипнуть друг от друга не в состоянии.

Удивительно странная парочка: высоченный широкоплечий Дэн, с ног до головы одетый в бренды, и миниатюрная простенькая Лера, по виду будто школьница. Но такой энергии притяжения я еще ни у кого не встречала.

– Ладно, давайте за новый учебный год! – предлагает тост Кир. – Чтоб дипломы писались, практика проходила, госы сдавались. И жизнь все так же была ключом!

Все дружно поддерживают тост и опрокидывают стопки в себя.

– Лайма бы, – кривится после текилы Маша.

– А ты чего не пьешь? – кивает на полную рюмку передо мной Алан.

И мне налил, ты посмотри.

– У меня завтра семинар первой парой.

– Да ладно тебе, у нас всех завтра семинар первой парой, – подталкивает костяшками пальцев ко мне рюмку.

– Давай, надо шкаф обмыть! – прижимается сбоку Сева.

Алан кидает убийственный взгляд на друга и Ванс тут же от меня отлипает. Тянется за бутылкой в руках «братика» и ловким движением вырывает ее.

– Давайте, давайте, – сгребает к себе все стопки. – Между первой и второй...

– Опять старперские замашки, – бубню я.

Алан ныряет между мной и своим тактильным дружкой и прижимается ко мне бедром. Ненароком, понятное дело. Но меня кидает в жар. Такая он печь.

Я пытаю взглядом свою рюмку и веду внутреннюю борьбу хорошей девочки и девочки, которая только-только познает жизнь. Которая чертовски хочет познать жизнь! И так, с одной стороны – семинар. А с другой – совершенная невозможность к нему подготовиться. Так в чем тогда дилемма, спрашиваю я себя?

– Еще один тост! – громко оповещает всех Сева. – За шкаф – чтоб он неладен был – три занозы и ушиб большого пальца. Стой и не развались!

– За шкаф! – поддерживаем мы хором.

Я опрокидываю в себя напиток, как делали это остальные, и тут же офигеваю от горячей лавы, прокатывающейся по гортани. Мамочки. И они это добровольно пьют?

– В следующий раз будет легче, – шепчет мне на ухо Алан.

Я ловлю мурашки, разбежавшиеся по предплечью, и с ужасом смотрю на пустую стопку в моих руках.

– Не будет никакого следующего раза, – хриплю я.

– О, малая, – строит он умилительную рожицу. – Конечно, будет.

Глава 9

Знаете, как пахнет первый в жизни провал?

Первый провал пахнет подгоревшей задницей и разочарованием в себе. Настолько сильным, что прошло уже полдня, а я до сих пор не могу прийти в себя. Все прокручиваю и прокручиваю эти унижительные несколько минут, в которые меня распекал старый препод на всю аудиторию.

– Вот это Павел Сергеевич, конечно, зве-е-ерь, – озвучивает мои мысли Катя-Кэти, участливо вглядываясь в мое осунувшееся лицо.

Да уж. Мне не помогло даже то, что я встала в пять утра с дикой головной болью и честно постаралась выучить лекцию перед занятием. Видимо текила обладает уникальными свойствами – разжижать мозги. Ни черта в голове не смогла уложить.

И вот результат – первая двойка.

Поправочка: первая в жизни двойка!

– М-да, – все, что выходит из меня.

Я помешиваю сахар в кофе, абсолютно без энтузиазма. Ребята еще толпятся перед кассой, пока мы с Катей заняли столик, и громко ржут, подкалывая друг друга. Все они сегодня схватили по первой «паре», но судя по виду, никто из них особо не страдает. Мне бы такую легкость в голове.

– Да не расстраивайся так, Эль, – подбадривает меня по-

друга. – Будет еще время исправить.

«Исправить». Боже, какое отвратительное, режущее грудную клетку слово. В жизни не приходилось ничего исправлять. Я всегда все делаю с первого раза хорошо.

Это очень экономит силы и нервные клетки.

Как же я оказалась в такой ситуации? Почему я так самонадеянно решила просрать свою жизнь с порога в нее? Мне никак нельзя упустить бюджетное место.

Ответы на все эти вопросы, конечно же, у меня были. Алан и его друзья. Беспечные детишки с папиными кошельками за спиной. Уверена, они в этом году на занятиях и полтора часа не просидели.

Нужно срочно что-то решать.

Если дома продолжится такая вакханалия, я совсем не смогу учиться. А это прямой путь на вокзал с чемоданом в руке.

– Кстати, мне тут Матео сказал, что хочет подкатить к тебе и просил выведать у тебя пароли-явки. Есть у тебя кто или нет? Нравится он тебе? – опускается до заговорщицкого шепота, ловко сменяя тему, подружка.

– Ты про Матвея? – удивленно вскидываю брови. – Можешь мне объяснить, кстати, что за фишка такая с именами? Матео, Кэти? Я чего-то не догоняю?

Давно не давал покоя вопрос. А тут как раз так не хочется отвечать на вопросы.

– Просто придать немного лоска, – по привычке откиды-

вая за спину шикарную блондинистую копну, говорит она. – Я же Катя Перова. И если немного поиграть со звучанием, почти Кэти Перри. Круто же! И Матео... ну, блин, если ты не понимаешь, то уже и не поймешь! – закатывает она глаза.

– Главное, чтобы тебе нравилось, – улыбаюсь я.

Молчала бы, конечно. Мы с лучшей подругой чуть ли не всю жизнь друг друга Елкой и Веткой обзываем, а все из-за ее бабки, которая вечно нас путала в детстве, когда на площадке за нами присматривала.

«Понапридумывали имен, – бухтела, помню, она. – Элина, Эвелина, тьфу. Хрен отличишь. А ходят всё, как шерочка с машерочкой. Елочка да веточка!»

Так и повелось, что она нас то Елка, то Ветка звала, мы и привыкли. Нам даже нравилось недоуменное выражение лиц, когда с нами знакомились.

Бабы Алевтины уже десять лет нет, а мы все Елка с Веткой. Будто чтим ее память.

– Так что, он нравится тебе, даем зеленый свет? – возвращает меня из воспоминаний Катя-Кэти.

Я успеваю отрицательно помотать головой, прежде чем за стол приземляются четверо одноклассников. Путем нехитрых притирок, к концу первой учебной недели наш костяк потерял четверых. Теперь мы мини-мини группка.

– Девчонки, вот сегодня погодка, да? – мне на плечо ложится тяжелая рука Матвея, буквально пригвождая к месту. – Чем заниматься будете?

– Матео, о, если б не был ты Матео, – мечтательно заводит Катя, отрицательно покачивая головой.

Заκος под Шекспира настолько очевиден, что Матвей мигом снимает с меня руку и разочарованно вздыхает.

– Я, кстати, сегодня планирую спать. Неделя какая-то зверская вышла, – продолжает поддерживать умирающий разговор подруга.

– Еще даже не конец недели! – усмехаюсь я.

– А, плевать. Завтра только по менеджменту семинар. Я планирую его проспять. Непрофильный же.

– А что, так можно было? – смеется Илья, один из наших прищепенцев.

– Мне – да. А ты учись давай, – грозит ему пальчиком Катя. – Я с двоечниками не общаюсь.

– Кстати, – подаю голос. – Не знаете, где можно тихо по-заниматься? У меня не квартира, а проходной двор. Заниматься вообще невозможно.

– Как вариант – коворкинг, – включается Матвей. – Из плюсов – удобно, из минусов – платно. Так что я бы посоветовал нетленочку: библиотека.

Точно!

В институте отличный читальный зал, и тихо, как на кладбище, благодаря радеющим женщинам в преклонном возрасте.

– Я пошла, ребят, – встаю из-за стола и хватаю сумку. – Если кто присоединиться захочет, приглашаю.

Матвей было хочет подскочить, но Катя снова одним мимолетным качанием головы остужает его пыл. И слава богу. Честное слово, крутить романы в первые же учебные дни совершенно не входит в мои планы.

Глава 10

«Как ты умудрилась?» – интересуется Ветка, когда я рассказываю ей о сегодняшнем провальном семинаре.

Я записываю долгое жалобное голосовое, стоя в подъезде, и, только убедившись в отправке, открываю входную дверь ключом.

Дома, ожидаемо, очередная тусовка.

– О-о-о, какие люди! Где пропадаешь, малая? – сооружая какую-то немыслимую башню из тарелок и кружек на кухонном островке, интересуется Алан, когда я вхожу.

Как. Я. Устала.

Устала от невозможности побыть одной, от невозможности нормально поучиться и просто безысходной невозможности тупо быть собой.

Сейчас я Ветка.

Я зовусь ее именем, живу ее жизнь, притворяюсь ей для ее брата, который, к слову, это не заслужил. И перед всеми этими людьми, которые тоже не заслужили. И все это давит, давит так сильно, что я постоянно чувствую грызущих мои натянутые нервы мышей. Они уже такие откормленные и жирные, что еще пару укусов и все лопнет к чертям.

Единственное место, где я могу быть полностью собой – институт. И тот теперь отдает горьким привкусом на языке при любой о нем мысли.

– В таком красивом здании из стекла и бетона. Институт называется, может слышал? – скидываю ботинки и устало плетусь к дивану.

Который снова занят.

Убила бы сейчас за возможность растянуться на нем, включить тупое шоу и не шевелиться до завтрашнего утра.

– Сегодня вечер Мафии! Ты готова? – перетасовывая какие-то карточки, весело оповещает меня Кир.

О. Боги.

– До девяти вечера? – скептически интересуется у меня «братик», подхватывая шаткую конструкцию из закусок и медленно продвигаясь к столику у дивана.

И я даже не сразу соображаю, о чем он меня спрашивает. Смотрю на него пустым взглядом, пока он не уточняет:

- В шараге до девяти?

– У меня много заданий, а здесь... – очерчиваю рукой дугу. – Неблагоприятная обстановка.

– Это мы неблагоприятная обстановка? – насмешливо переспрашивает Дэна Сева. – Я правильно сейчас понял?

– Ну не располагающая к учебе, – исправляюсь, закатывая глаза. – Ну вы поняли.

– Душ-ни-ла, – почти хором отзываются ребята.

Все облюбовали мою чашку и подчеркнули из нее главное. Класс.

Сбоку что-то опасно звякает.

– О-оу, – подает голос Кир. – Ставлю сотку, что Алан все

это в целости не дотащит!

– Да я и сотню за его жизнь не дам, если он это НЕ дотащит, – честно предупреждаю всех собравшихся.

Перед Аланом только одно препятствие – мой диван, и, если он сегодня будет угондошен, я придушу «братика» во сне. Заодно и спальное место себе отожду.

– Забились, – тянет мне руку Кир.

Я пожимаю ее, фиксируя договоренности и, затаив дыхание, как и все, наблюдаю за ловкостью рук этого циркача.

Черт, он реально сделал это.

– Гони деньги, – обращаюсь к Кирюхе.

– Надо было подножку поставить, – вытаскивая портмоне из заднего кармана джинс, бубнит он.

– Рублей? – хватаю протянутую купюру. – В следующий раз уточняй, на что спорим, жмотяра!

Встаю с пола и засовываю бумажку себе в карман.

– Все, я в душ.

– И без меня? – кричит Сева.

Все гогочут, как сумасшедшие.

– А как же Мафия? – не успокаивается Кир.

– Первая игра без меня.

Хватаю чистые вещи из шкафа и скрываюсь в ванной комнате.

Устала, как черт. Озаренная гениальной идеей с библиотекой, решила все задания наперед переделать. Теперь в голове каша, в глазах песок, а в теле ломота. Хочу только спать.

Но кто мне даст, да?

Ветка никогда не устает.

Наскоро заматываю голову полотенцем и, переодевшись в чистый домашний комплект одежды, выхожу. Город как раз засыпает перед последним убийством.

А просыпается, как раз, когда я завариваю себе чай, стоя к ребятам спиной.

– О, черт. Я убит, – картинно восклицает Сева. – Еще два хода назад, правда, но, кажется, меня снова пырнули, и я истекаю...

Его голос понижается до томного низкого звука, и я непонимающе оборачиваюсь. В Мафии какие-то новые правила?

Все пялятся на меня.

– Ванс! – знатно пихает его в плечо Алан.

– Я тебя как друга прошу, – оборачивается к нему с серьезным лицом Сева. – Как брата! Хочешь, почку тебе свою завещаю. Могу расписку написать! Будь человеком, – чуть ли не на колени перед ним становится. – Ни себе, ни людям!

– Она моя сестра, придурок, – зло бросает Алан, переводя на меня хмурый взгляд.

Хмурый, темный, будто касающийся кожи взгляд. Прочерчивающий дорожку от моих голых ступней до линии начала пижамных шорт.

- Сводная пятиюродная! – ноет Ванс.

- Двоюродная, - сквозь зубы выдает Алан, кидая на меня теперь уже злой взгляд.

Я-то тут причем?

– Эля, – подходит ко мне широко улыбающаяся Маша. – А не найдется ли у тебя в гардеробе штанов? – мягко намекает она шепотом.

А я не дура. Еще по взгляду «братишки» все поняла.

– Извращенцы, – раздраженно выдыхаю я, плетясь к шкафу. – Обычные шорты!

– Зато задница необычная! – слышу приглушенное уже в закрывающуюся дверь ванной.

Сева такой козел!

В ванной пытаюсь стряхнуть с себя странное наваждение. Вроде ничего такого и не произошло, но этот темный взгляд... Вот где настоящее извращение! Он искренне считает, что я его сестра. И уж точно никоим образом не смотрел на меня «так».

«Как так?» – спрашиваю сама у собственного отражения. Мурашечно, чтоб его.

Просто в квартире становится холодно. Сентябрь не радует теплом, а отопление еще не включили. И надеть короткие шорты действительно было дурацкой идеей. Из-за холода, конечно, а не потому, что я не хотела подвергнуться оценке, как кусок мяса на рынке.

Роюсь в корзине для белья, куда кинула вчера штаны от этого пижамного костюма. Просто ляпнула на него вчера соусом тобаско, когда начосом закусывала текилу. Вот и вытянула сегодня из этого комплекта шорты. Что началось-то?

– Так лучше, извращенцы? – с апломбом возвращаюсь в гостиную, демонстрируя себя со всех сторон.

– От всего нашего дружного коллектива: спасибо, – выдает Сева. – Честное слово, невозможно сосредоточиться, когда рядом...

Получает очередной тычок от Алана и затыкается.

Я снова принимаю позу лотоса перед журнальным столиком, подхватываю на затылке волосы крабиком и говорю:

– Ну что, готовы, сосунки? Мамочка в деле.

– Мафия засыпает. Просыпается город, – театрально завершает последний круг Кирилл.

Самолично провозглашенный лучшим ведущим на свете.

– Этим утром не проснулась – стучит пальцами по столешнице на манер барабанной дроби. – Маша. Ее безжалостно сбросили с моста, перед этим жестко

– Сучки! – раздраженно вскрывает свою карту Мирного жителя. – Это точно Сева, – тычет в него пальцем. – Я чувствую вайб предательства.

– Я вообще-то ранимый, – возмущается он, картинно прикладывая руки к груди.

Но Машу это не трогает, она кидает в него подушкой и обиженно складывает руки на груди.

Итак, нас осталось трое. Если сейчас выгонят не того, Мафия победит. Последний шанс.

Я скольжу внимательным взглядом по беззаботному ли-

цу Севы. Его обычная защитная реакция – все переводить в шутку. Если так подумать, то это могла бы быть шикарная двойная игра

И Алан. Спокойный, сосредоточенный, говорит мало, по фактам, не перегибает, в эмоции не уходит.

– Это ты, – киваю на него.

– Аргументы, – выгибает он бровь.

– Ты с слишком молчаливый. Для тебя это необычно. Плюс ты уже миллион раз пытался слить меня, хотя совершенно очевидно, я сильный игрок, который вычислил Леру Машу в сторону уже выявленной мафии.

Вокруг стоит напряженная тишина. Даже Дэн откладывает телефон, чтобы понаблюдать за нашей пикировкой.

Я продолжаю:

– И ещё. Когда убили Машу, ты посмотрел не на Кирилла, как все, а на меня. Проверял реакцию. Мафия всегда смотрит на самого опасного игрока. Ну и финалочка Я слышала, как в первую ночь скрипнул диван, когда мы «спали». Там сидели только вы с Машей, а она

Пожимаю плечами, как бы говоря: ну камон Все же очевидно.

– Сева, – перевожу взгляд на парня слева. – Я очень надеюсь, что не ошибаюсь, потому что ты начал мне нравится, и если Мафией в итоге окажешься ты

– Слыхал, я начал ей нравится, – поигрывая бровями, говорит Алану. – Черт, я в деле. Давай замочим этого говнюка!

Мысленно я ликую, но сохраняю лицо «железной леди».

– Итак, господа игроки, голосуем, – вклинивается Кир. –

По вашему мнению Мафия это

– Алан, – спокойно говорю я.

– Алан, – согласно кивает Сева. – Прости, братан. Так сегодня умирать не хочется.

– Мой голос, конечно, уже ни на что не влияет – хладнокровно говорит «братик».

«Ну» – вывожу я одними губами. И расплываюсь, наконец, в широкой улыбке.

Кирилл в восторге хватается за голову.

– Это разнос! Разнос! – кричит он.

Алан медленно начинает хлопать.

Раз.

Другой.

– Красиво, – говорит он своим низким пробирающим голосом.

У меня мурашки собираются на затылке.

Он тянется за картой, переворачивает ее, и все за столом дружно ахают.

Мирный житель.

– Не-е-е-ет!!! – ошарашенно кричит Сева. – ТЫ!!! – тычет в меня пальцем, подскочив с места.

– Я, – согласно киваю, переворачивая свою.

Мафия.

Достойна Оскара.

Что подтверждает последующий взрыв гомона в квартире.

– Да ладно! – кричит Маша, которая до последнего не знала, кто предатель.

– Это было жутко, – вставляет Дэн.

– Эль, ты монстр! – кидается в меня картой Лера.

– Прости, пришлось принести тебя в жертву, – извиняюсь перед ней.

Сева кидает на меня обиженный взгляд и перебирается на диван к Алану.

– Вот и верь после этого девчонкам! Я с ней больше не играю, если что! – громко оповещает всех присутствующих.

– Она страшный человек!

– Не то слово, – поддакивает Алан, не сводя с меня внимательного взгляда.

Он ведь сразу понял, что я Мафия. Наблюдательный засранец. Вот с кем точно не стоит больше садиться играть.

Глава 11

Алан

Вот с кем точно не стоит садиться играть.

Мафия же мой конек, сколько лет остаюсь непобежденным, постоянно меняя тактики игры, и тут разнесла как мальчишку.

«Гены пальцем не размажешь» – любит повторять моя мать.

Она вообще частенько любит порассуждать, что хоть они с сестрой как с разных планет, мы с Эвелинкой получились словно слепленные из одного теста. Как она успела это понять по одному-единственному совместному лету и парочке упоминаний в телефонных разговорах с теткой, конечно, загадка.

И еще неделю назад я бы с этим серьезно поспорил, помня ту версию сестренки, что встретил в тринадцать. Взбалмошную, громкую и надоедливую. Но сейчас, встретив ее повзрослевшую версию, с уверенностью могу сказать: да, гены пальцем не размажешь.

Хитрая, умная и острая на язык.

«Вся в меня» – по праву старшинства могу заявить я.

Я думал, что будет мучением делить с кем-то столь незнакомым и малопривычным территорию, по праву принадлежащую мне одному столько лет. Хотя и помнил, что фактиче-

ски, хату эту добрая прабабка отписала именно на нас двоих, пытаюсь замолить грехи собственного сына, нашего блудливого деда. Все же знатно он накуралесил в молодости, успев завести две семьи параллельно. Мать так до конца и не верит, что тетя Люба ее сестра, все любит повторять: «и нос не мой, и уши не мои». Чтобы это ни значило. С их стороны, уверен, та же тема поднималась не раз.

Так что мне так и не верилось до конца, что ее родаки все же вцепятся в эту идею об учебе единственной и ненаглядной дочери в столице, и мне придется менять всю свою устоявшуюся жизнь тут.

Хотя в итоге, все сложилось неплохо.

Мы ладим. На свой странный манер.

И Эвелинка прикольная. Тоже на свой манер.

Еще бы перестала постоянно цеплять взгляд...

– Алан, ты мне друг или кто? – полупьяно бормочет Ванс, усосавший четыре пива за вечер.

Как мало ему надо.

– Иди домой, «друг», – ржу я, подталкивая его на выход.

Ребята уже вовсю собираются, шумно одеваясь в прихожей. Сестричка пошла в душ.

– Ох, что это были за шорты... – мечтательно продолжает Ванс.

Что и требовалось доказать.

Если Эвелинка специально выставила задницу, чтобы впечатлить моего друга, то она просто дура. А если реаль-

но не понимает, какое впечатление может произвести своим полуголым видом то... еще большая дура. И ей еще расти и расти.

Мозгами.

Все остальное, как мы все сегодня успели убедиться, уже выросло.

– Алан, я помню, что она твоя сестра, но не прижучить ее – просто грех, – вставляя ноги в кроссовки, продолжает приглушенно бубнить друг.

А у меня будто забрало падает. Четко же сказал, на сестру мою свои потрепанные конечности чтобы даже не прикладывал! Как представляю, что они с Эвелинкой обжимаются на моем же диване...

Заношу руку и знатно отвешиваю ему леща. Не удержав равновесия, он вписывается подбородком в придверную тумбу.

Да черт.

Девчонки приглушенно ахают, Дэн с Киrom тут же оказываются рядом, готовые то ли защищать Ванса, то ли тормозить меня, если понесет. Но я уже остыл. Все нормально.

Слава богу, и нашему пьяному камикадзе море по колену. Ванс выпрямляется и ржет, как идиот, поглаживая место ушиба.

– Понял, не дурак.

– Давайте уже на выход, – устало прошу друзей.

Это все, конечно, очень мило, что они стараются запол-

нить зияющую в моей груди дыру своим весьма навязчивым присутствием, но пулевое от гранатомета парой пластырей не залатать. И как бы они не старались отвлечь меня, с наступлением ночи я остаюсь один на один с мыслями и воспоминаниями о том, какой я непроходимый идиот.

– До завтра, бро, – пожимает мне руку Кир.

– Нормально всё? – интересуется перед выходом Дэн.

Как и каждый гребаный вечер.

Что вообще такое нормально после всего, что случилось?

И когда оно снова сможет быть таковым?

Но все же киваю.

Просто чтобы они свалили уже нафиг.

Закрываю за шумной компашкой дверь и выключаю свет в прихожей. Гостиная сразу преображается. Горит только верхний свет над зоной дивана и немного мерцает телек, включенный на беззвучке фоном, делая атмосферу более расслабленной.

Спокойной.

Чему, конечно, способствует и оглушительная тишина, наступившая с уходом гостей. Тихое журчание воды в ванной не в счет. С появлением в квартире девчонки, ванная комната занята чаще, чем моя постель.

Благостная тишина нравится мне недолго, она тут же активизирует болтовню в голове. Ненавижу такие минуты.

Хлопаю себя по карманам, вспоминая, где в последний раз видел свой телефон. Единственное, что способно вырубить

эту хрень в башке. Откапываю в памяти, что оставил его на столешнице в кухонной зоне, еще перед игрой, и плетусь туда. Телефон мигает, оповещая о входящем сообщении.

На миг в груди чувствуется тупая боль, как предчувствие. Разблокирую экран, и тупая боль становится колюще-режущей.

«Рита».

Не верится, что пальцы все еще дрожат, нажимая на сообщение от нее.

«Могу я на выходных забрать свои вещи?»

Как конченный придурок пялюсь на эти буквы и не могу найти в себе сил ответить. Сначала из-за обуревающей меня лавины эмоций: гнева, раздражения, боли. А потом просто потому, что у меня нет для нее слов.

Проходит минута за минутой, а я все смотрю на погасающий и вновь вспыхивающий от моей руки экран.

«Меня не будет» – первое, что удастся перенести в слова.

Но рука тут же тянется все стереть. Глупо.

«Отправлю тебе курьером» – словно от обиженного мальчишки.

Кем, по сути, я себя и чувствую. Еще хуже. В этой битве мне не выиграть, да?

Всматриваюсь в мигающий курсор в строке набора текста, прочесываю упавшие на лоб волосы пальцами и тяжело выдыхаю. Не знаю, как правильно поступить.

– Все нормально? – слышится мелодичное.

Я поднимаю взгляд от экрана телефона и всматриваюсь в Эвелину с тюрбаном из полотенца на голове. Она скидывает с дивана ворох подушек и тянется его разложить, то и дело поглядывая на меня участливым взглядом. Что она видит, интересно? Придурка, зависшего над сообщением для бывшей или просто брата, залипшего в телефоне? Как я выгляжу со стороны? Удастся ли носить надетую в ту злополучную субботу маску безразличного идиота?

Хотя все это не существенно.

Потому что мои мысли смещают фокус с себя на нее.

Снова одела дурацкие шорты. Ну да, стесняться же больше некого. А брат не настолько отчаявшийся кретин, чтобы замечать ее задницу.

Черт.

Быстро отвожу взгляд, пока она не заметила.

Совсем шизанулся.

Нахрен.

Пора спать.

Запихиваю погасший от бездействия телефон в задний карман и направляюсь в свою спальню. Подальше от отчаянного безумия, на пороге которого оказался. Дикость какая – пялится на задницу собственной хоть и сводной двоюродной сестре.

Это кажется даже незаконно.

– Ты так и не ответил, – ловит меня возле самой двери Эвелина.

Дурацким нежным голосом и загоняющим в капкан сумасшествия сладким запахом фруктового шампуня, которым, клянусь, пропах каждый сантиметр нашей квартиры.

Я не оборачиваюсь, чтобы избежать ненужных сейчас переглядок.

– Лучше всех.

Толкаю дверь и скрываюсь в своей комнате. Единственном убежище от догоняющего помешательства. Надо прекращать бухать. Иначе скоро окажусь в модной лечебнице с прогулками по выходным и цветастыми таблеточками.

Рухнув на кровать, пытаюсь согнать странное наваждение тела. Будто откликающееся на каждый шаг, поворот головы и слово своей соседки. Сестры, черт возьми.

Утыкаюсь в подушку и, клянусь, чувствую этот ее невыносимый сладкий запах, раздражающий нос при каждом вдохе, даже тут. В бешенстве скидываю подушку на пол и укрывшись с головой одеялом, проваливаюсь, наконец, в блаженный сон.

И только утром понимаю, что так и не ответил на долбаное сообщение.

И так все и оставляю.

Глава 12

На пятый день я решаю, что с меня хватит.

Нет, не бесконечного балагана в квартире, он мне даже начал нравится, если честно. Не думала, что кучка незнакомых людей, с которыми у нас ровно ноль общих интересов и которые будут вечно попирать мое личное пространство, могут так быстро проникнуть в душу. Но они начали мне нравится, серьезно. И, что самое удивительное, кажется, им нравлюсь и я.

В общем, смирившись с неотвратимым – теперь я часть маленькой веселой группировки, каждый вечер выдумывающей все более извращенные развлечения, – я пришла к следующим выводам:

– первый – что человеческий организм, вопреки мнению Алана, не может полноценно существовать на чипсах, газировке и «ну это же почти мясо» в виде магазинных наггетсов.

– второй – если ещё хоть один вечер я услышу шелест пачки чипсов у себя над ухом, я начну убивать.

Поэтому, вдоволь насладившись тишиной библиотеки, чтобы подготовить доклад по Мировой экономике на понедельник, я отправляюсь в магазин. Дотащив сумки с продуктами домой, я застаю уже привычную картинку: ребята рубятся в приставку, а на столе господствует хаос: три открытые пачки чипсов, какие-то сухарики, орешки и одино-

кая пластиковая коробка с соусом, происхождение которого лучше даже не выяснять.

Я останавливаюсь в дверях и громким вздохом стараюсь привлечь к себе внимание собравшихся. Кир с Севой так увлечены каткой, что даже не оборачиваются, только кричат в унисон:

– Привет, малая! – переняли дурацкое прозвище от Алана.

Дэн на минутку отрывается от собственного телефона и одаривает меня приветственным кивком, и только «братик» решает поприветствовать полноценно.

– Ты ограбила магазин? – усмехается, вытаскивая из моих рук тяжелые пакеты.

Я шиплю от боли. Набрала столько, что ручки впились в ладони и теперь даже разжать их больно.

– Ты в курсе, что тут четыре мужика, маскулинность которых ты все время подвергаешь сомнению? – кидает, таща пакеты в кухонную зону. – Могла бы позвонить.

Даже в мыслях не было просить этих обалдуев о помощи! И хотя меня насильно заставили записать все их телефоны, под предлогом заботы о вчерашней школьнице в суровой столице, я для себя решила никогда этими номерами не пользоваться.

Хотя бы потому, что рано или поздно они все узнают и я перестану быть частью «банды». Так какой смысл к ним сильно привязываться.

– Я продолжаю каждый день надеяться, что, вернувшись домой, здесь никого не будет, – скидывая ботинки прохожу к столу.

Сметаю все пустые пачки и разбросанные крошки в мусорный пакет и принимаюсь разбирать пакеты. Здесь продуктов на маленькую деревню, но хватит ли на семерых, четверо из которых парни, находящиеся все еще в фазе активного роста, – загадка.

– Что ты собралась со всем этим делать? – вставая рядом, интересуется Алан.

Хватает банку с протертыми томатами и картинно изгибает брови.

– Буду любоваться, телек-то у меня отобрали.

Отбираю у него банку, ненароком цепляя теплые пальцы, и тут же смущенно возвращаюсь к пакетам. Все еще охренеть, как неловко. Выкладываю спагетти и курицу, и вспоминаю, есть ли у нас какие-нибудь специи. Сомнительно. Надо было хотя бы перец купить.

– Ха-ха, – Алан продолжает перебирать нехитрый набор продуктов, который я принесла, все больше хмурясь. – А серьезно? Будешь готовить?

– Да, план был такой.

– А-а-а, хочешь нас потравить, чтобы освободить квартиру.

– Есть и такая вероятность, – усмехаюсь. – Кто меня знает.

– Настоящая Мафия, – приглушенно говорит он, не сводя

взгляда с продуктов, которыми завалена столешница.

Я отправляю часть продуктов в холодильник и только тут меня щелкает.

– А где девчонки?

– Ах да, ты же не в курсе. Сегодня день «Д», – оборачиваясь ко мне, объясняет «братик».

– День Дураков? Так он у вас каждый день...

– День девчонок. Масочки, ноготочки, розовые коктейли, танцы. Или что-то типа того.

– Хм.

А меня не позвали. Понятно, я пока все еще не до конца «в компании». Это было бы обидно, если бы я сама себя не убедила, что сблизиться – отвратительная идея.

Ладно. Не особо-то и хотелось. От масок из массмаркета я вся краснею, ногти не делаю, а коктейли... Невозможно жалеть о том, что никогда не пробовала, правда ведь?

– Так что сегодня тихий вечерок и разойдемся до полуночи. Побегут, как только их позовут, – кивком головы показывает на Дэна и Кира.

– Мочи́ его, мочи́, мочи́! – как раз орет Сева.

На экране все трещит, мелькает, вопит, аж голова начинает болеть.

– Какие радужные перспективы, – усмехаюсь, мбоя руки перед готовкой.

– Так ты реально собралась готовить? – видимо все еще не веря своему счастью, уточняет Алан.

– Да, перспектива не дожить до тридцати на одних чипсах и пиве меня не прельщает. Народ, – обращаюсь уже ко всем.
– Если у вас есть на что-то аллергия, говорите сейчас, или замолкните навеки!

– На тупость считается? – смеется Кир.

– Нет, иначе ты бы уже скончался от собственного чувства юмора, – толкает его в плечом рядом сидящий Сева.

– А к чему вопрос? – отрываясь от экрана, поворачивается к нам Кирилл. – Глянь, глянь, – снова начинает пихать Севу.

– Да блин, из-за тебя меня замочили! – возмущается тот, поворачиваясь. – О, черт. Еда! – бросает джойстик и встает.

– Она собирается приготовить ужин, – насмешливо говорит за моей спиной Алан.

И стоит так чертовски близко...

– Значит *так* планируешь от нас избавиться! Изощренно, – расплывается в улыбке Сева.

– Но как устоять, да? – подыгрывает подошедший следом Кир.

– Господи, что происходило в этом доме до того, как в нем появилась я?

– Пельмени от Алана, которые мы отдирали со дна сгоревшей кастрюли, – загибает пальцы Сева. – Машины горячие бутерброды...

– Из-за которых к нам пожарку вызывали, – дополняет Кир.

– И, конечно, бесподобные Леркины макароны, ммм.

Нечто настолько недопереваренное, серое, склизкое...

– У Леры много других достоинств, – вклинивается подошедший Дэн, закидывая руку на плечо Севы так, что он аж пригибается.

Подкрался, как ниндзя.

– Господи, он говорит! Иногда я забываю, что ты живой, – смеюсь, подкалывая самого тихого члена этой банды.

По гостиной разносится гомерический хохот троих здоровенных парней.

На самом деле, Дэн нравится мне больше всех. Не только потому, что почти не попирает мои личные границы, и в целом незаметен и потому комфортен, но и из-за того, как он относится к Лере. Глубоко в душе именно о таких взаимоотношениях я и мечтаю. Чтобы меня принимали такой, какая я есть, и даже немножечко обожают.

– Так что на счет аллергий? Вкусовых предпочтений? Я не прислушаюсь, но высказаться можете, – возвращаюсь к насущному. Есть уже хочется до бурчания в животе.

– Нет, ничего такого, – отрицательно машет Кир, совместно с Севой.

– Вряд ли ты собираешься нашпиговать курицу аспирином, – пожимает плечами Дэн.

– И будем надеяться, что фермеры этим тоже не грешат, – киваю я.

Боже, аллергия на аспирин. Треш.

– Про лактозу ты помнишь, – скрестив руки на груди, сухо

напоминает Алан, подпирая столешницу задом.

– Да, поэтому это и будет томатная паста, а не в сливочном соусе, о которой я мечтаю уже неделю, – объясняю, как для дурочка, честное слово.

Не настолько я коварна.

Ставлю воду для спагетти, разделяваю куриную грудку и принимаюсь обжаривать ее на сковороде.

Ребята в это время начинают обсуждать предстоящий день рождения Севы. Тот рассказывает, что уже год уламывает родаков на мотоцикл и, наконец, они сдались. Так что уже через недельку у него появится новый железный друг.

Парни как могут стебуют его, придумывая, что подарить в довесок: косуху с тигром, выложенным стразами на спине, или шлем с огненными всполохами и рогами, как у черта... И предлагают начать отращивать живот и бороду уже сейчас, иначе байкер из него так себе.

Через двадцать минут все готово, и мы устраиваемся за столом. Дэн фоткает тарелки и что-то быстро печатает.

Я присоединяюсь и тоже фоткаю. И сразу отправляю фотографии Ветке для ее ежедневного отчета маме. Это стало уже привычкой, документировать каждый свой шаг. Не ровен час, сама блог заведу. Это не так сложно, как мне казалось.

– Кому ты все время строчишь? – интересуется у меня на ухо Алан.

– Это секретная информация, – отталкиваю его от себя

подальше.

Честное слово, совершенно невыносимо с ним бок о бок стоять. Все тело как под напряжением.

– С ума сойти. Выглядит реально съедобно, – хватаясь за вилку, комментирует Кир.

– Пахнет тоже ничего, – подтаскивает мне стул Алан.

Сам остается стоять, потому что на него стульев не хватило.

– Ничего? Да ты сейчас мои ноги целовать будешь, – прищуриваюсь я.

– Вот уж никогда, – усмехается он.

– Нам срочно нужен новый спор на целование ног! – выкрикивает, вдохновленный идеей Кир.

– О, боги. Я готов уже сейчас и без всякого спора, – даже не прожевав до конца, говорит Сева.

– Себе поцелуй, – тычет в него вилкой Алан.

– Я так не гнусь!

Справа и слева доносятся стоны, и, хотя они жуть какие наигранные, мне все равно приятно. Блин, они как с голодного края.

– Выходи за меня замуж, – умяв треть тарелки за пару секунд, предлагает Сева. – Хотя нет, я слишком молод, сорян. Кто-нибудь? Ребят, ну же, – оглядывает друзей. – Мы не можем ее потерять!

Все тихонько посмеиваются, но продолжают жевать, не реагируя. Вау. Еда реально их заткнула. Отличный лайфхак!

Клянусь, такой тишины у нас в квартире не было еще никогда. За исключением моих первых двух дней пребывания тут, пока кое-кто оправлялся от дикого бодуна.

Или он просто щадил меня.

Как знать.

Ребята отчаливают почти сразу после ужина, едва Дэну приходит первое пьяное сообщение от Леры. Девчонки уже набрались в каком-то баре и шлют провокационные фотки. Кирилл, естественно, присоединяется, а Сева просто решает, что это отличный шанс кого-нибудь подцепить.

Хотя прежде, чем уйти, у них случается какой-то странный тихий монолог с Аланом. Тихий, полный скрытого напряжения и странных поддерживающих похлопываний по плечу.

Мы остаемся с горой посуды и такой непривычной тишиной, что аж неловко.

– Капец, – выдыхаю я, прикрывая глаза.

– Что? – непонимающе переспрашивает «братик».

– Тишина. Я ее слышу.

– Вряд ли тишину можно услышать, – тихо посмеивается он, звеня посудой.

– Ну вот, ты все испортил, – открываю глаза и помогаю ему перемещать тарелки в раковину.

– Было вкусно, – расщедривается он на комплимент.

– Рада слышать, – с достоинством принимаю его.

– Но ты же понимаешь, что совершила стратегическую ошибку? Теперь тебе все время придется готовить, – открывающая кран и берясь за губку для мытья посуды, говорит Алан.
– Ребята с тебя не слезут.

– Планируете превратить меня в свою бытовую рабыню?
– театрально округляю глаза.

– Я постараюсь тебя отмазать, но за родственные бонусы,
– светит улыбкой чеширского кота, намывая тарелки.

Я пытаюсь не спугнуть счастье. Мытье посуды – мое самое нелюбимое занятие в готовке.

– Родственные бонусы в виде...

– Ну не знаю, может, завтраков...

– Ну конечно, – смеюсь я. – Ты такой ленивый. Уж разогреть что-нибудь из магазина кулинарии мог бы себе по утрам.

– Я живу тут уже четвертый год, – передавая мне чистые вилки, поясняет он. – От всего их не столь обширного меню меня тошнило уже на втором году.

– Бедняжка.

Неосознанным жестом я запускаю руку в его волосы на затылке и треплю, как лабрадора. Секунду спустя скручивающийся в животе узел подсказывает, как это неуместно. Хотя не исключено, что это паста неудачно пошла.

В любом случае, Алан, очевидно, не чувствует такой же неловкости, потому что совершенно не напрягается. Только смеется.

– Отвали, – пытается сбросить мою руку не используя собственные, занятые тарелками. – Ненавижу, когда трогают голову, ты же знаешь.

Откуда же мне это знать??? Чтобы Ветка о тебе не знала, мне она никогда ничего не говорила!

– Как же ты стрижешься? – смеюсь в ответ, пряча отчего-то горящую ладонь за спину. – А! Точно.

Его непослушная копна, закрывающая порой и глаза и уши, говорит сама за себя. И наполовину пустая баночка глины для укладки в ванной совсем не моя.

– Ты заметила, как Ванс на тебя смотрит? – ни с того ни с сего спрашивает Алан.

Мне только и остается, что пожать плечами.

– Он на всех так смотрит.

– В том-то и суть, – Алан кивает головой. – Не ведись.

Он делает паузу, будто взвешивает слова.

– Если он начнёт доставать – скажи мне. Я с ним поговорю.

– Подзатыльников надаёшь? – улыбаюсь от такой нелепой попытки выставить себя старшим братом.

– Если понадобится, – серьёзно отвечает он. – Ты здесь одна. Без друзей, без семьи. Я за тебя отвечаю.

Я пристальнее вглядываюсь в его профиль. Есть что-то в его словах, что отзывается во мне странным трепетом.

– Просто не хочу, чтобы мать меня убила, – добавляет с усмешкой.

Ну да, конечно, все дело в маме, а не в том, что в глубине души он сладкая ответственная булочка.

Боже, как отвратительно ему врать.

– Готово, – ставя последнюю вымытую тарелку в сушилку, говорит Алан. – Хочешь сыграть? – кивает на приставку с включенной заставкой какой-то кровавой стрелялки.

– Там по телеку скоро шоу одно начнется... в кои-то веки отвоевала телик!

Уверенной походкой иду в гостиную и хватаю пульт.

– Не-не-не, – ловко отбирает у меня его Алан. – Никаких тупых шоу в этом доме.

– То есть тупой бильярд – ок. А интересное шоу с реальным сюжетом – говно?

– Ага, – виртуозно подбрасывает пульт в воздухе и ловит его.

– Так нечестно. Наполовину это и моя квартира! – *(Ветка бы оценила вброс)* – А ты заграбастал себе все самое лучшее, – в раздражении повышаю голос. – И спальню! И огромный шкаф! И... и все вечера! Мне негде заниматься, я сплю в продавленной чьей-то задницей вмятине, мои вещи не помещаются в этот гребаный шкаф, – машу на криво-косо собранное сооружение. – И даже идиотский телек, раз в чертову неделю, ты мне не уступаешь!!!

Последнее предложение звучит особенно громко и надрывно. Но правда, накопилось. Ветка бы уже давно поставила его на место и отжала спальню, а я терпила какая-то!

- Ладно, ладно, – осторожно протягивает мне пульт Алан.
- Сумасшедшая, – закатывает глаза и отходит на расстояние.
- По пятницам телек твой.
- И по субботам! – все еще разгоряченная, добавляю я.
- Окей.
- И по будням, чтобы до семи вечера никого здесь не было, мне нужно заниматься! – гордо вскинув голову, падаю на диван.
- До шести.
- Договорились, – тяну руку для закрепления договоренностей.
- Алан пожимает в ответ и устраивается на диване рядом со мной.
- Так че там за тупое шоу?

Глава 13

«Мы с Сережей жестко поспорили»

«Я сижу рыдаю в ванной»

«Тебе все равно?»

Ветка начала бомбить сообщениями без продыху с четырех утра. Честное слово, мне не все равно, просто глаза продрать удалось только к третьему.

«Что случилось?»

В: «Он сказал, что я тупая»

«Прям так и сказал?»

В: «Ну там было что-то типа «не кипятись, малыш, она просто знакомая»

В: «Когда я устроила скандал, что его какая-то сиястая баба при входе в ресторан обнимать стала»

В: «А когда я возмутилась, что разве я похожа на дуру, он сказал, что сейчас – да»

В: «Блин, опять плачу»

В: «Вот козел!»

В: «Я, короче, уже гуглю билеты домой»

И тут меня прошибает пот.

Черт.

Я не думала, что все закончится так рано. Я пока совершенно не готова.

«Помощь нужна?»

Пишу, а сама внутренне съеживаюсь. Если она сейчас рванет домой, мне срочно нужно будет съезжать. Совершенно очевидно, что наш первоначальный план, где я могу перекаптоваться здесь вместе с ней – абсолютно нереалистичный. Спать вдвоем на этом диване, деля всю общую территорию на троих – невозможно.

Да и как я смогу продолжать здесь жить и смотреть в глаза ребятам, когда они все узнают? Как я смогу смотреть в глаза Алану?

Мысли соскальзывают в проекцию будущего, где он непременно все узнает. Где посмотрит на меня этими своими бездонными темными глазами с разочарованием и мое сердце будет разбито. Потому что мысль, что он разочаруется во мне, причиняет ужасно дискомфортное ощущение в груди.

Хотя волновать, конечно, сейчас меня должно совершенно не это.

Куда я съеду и за какие деньги?

Я же совершенно забила на одно из важнейших пунктов в своем плане: работа. Мне нужна, мать ее, работа.

Черт.

Залезаю в банковское приложение, чтобы оценить свой баланс и сердце начинает заходиться от тревоги. Не густо, совсем не густо. Даже с учетом накоплений за два года непрерывной работы, и остатка от того, что прислала Ветка (что не учитываем, я его ей, конечно, верну), суммы хватит только-только на быт и, может быть, аванс за квартиру. Еще я по

глупости расщедрилась на огромную продуктовую корзину вчера. Хотя питаться чипсами и засохшей пиццей сегодня уже не кажется такой уж провальной идеей. Лишь бы не за свой счет.

Блин, блин, блин.

Утро субботы должно было начаться совсем по-другому. Я должна была встать бодрой и отоспавшейся за всю долгую и напряженную неделю. А вместо этого сначала перенервничала из-за Ветки, а теперь раздраженно листаю Авито, откладывая подходящие вакансии в «Избранное». Набирается не так, чтобы много вариантов. Где-то оплата копеечная, где-то графики дерьмо, но в остальном все упирается в удаленность от места проживания. Из-за чего я буду терять еще по несколько часов в день тупо на проезд. И как, скажите мне, совмещать это все с учебой на бюджете?

Я умру в расцвете сил.

Допивая второй кофе за утро, мне уже хочется нырнуть в окно от бесконечной и бесперспективной ленты вакансий.

«Требуется администратор с опытом работы от трёх лет».

На подработку студентке.

Серьёзно?

Где, по их мнению, я должна была взять три года опыта? В детском саду, управляя очередью к горке?

«Помощник руководителя, стрессоустойчивость, ненормированный график»

По описанию звучит как оплачиваемое рабство. И судя по строке «Заработная плата договорная» – еще и плохо оплачиваемое.

Листаю дальше.

Курьер – в избранное, вполне можно совмещать, хотя пешим не так, чтобы много заработаешь. Промоутер – мимо, спасибо, был у меня опыт работы в костюме огромной креветки, больше ни за какие деньги. Оператор исходящих звонков – тоже в избранное, чем черт не шутит.

Бариста с опытом латте-арта – нет. Няня для «активного мальчика шести лет»...

На слове *активного* я нервно закрываю вкладку.

Надо начать с малого. Откликнуться там, где есть шансы.

– Уже встала? Отлично. Через полчаса выезжаем, – давя зевок, мимо меня шествует Алан.

Снова без футболки. И на этот раз даже без брюк. *Господить жбожемой.*

Он скрывается в ванной раньше, чем я успеваю открыть рот. Сначала думаю постучаться в ванную и выпытать разъяснения к «выезжаем через полчаса» через дверь, но потом решаю сосредоточиться на главном – работа. Отправляю несколько сообщений работодателям и на всякий случай еще раз скролю ленту вакансий по запросу. Вдруг что-то еще цепанет.

– Ванс просил напомнить, чтобы ты не забыла купальник, – размашисто вытирая голову полотенцем, выглядывает из

ванны «братик». – От меня лично просьба: пусть это будет какая-нибудь паранджа. Бедняжка все еще не отошел от твоих шорт.

А Алан все еще в одних трусах. Кто бы говорил про мои шорты! Они выглядят приличнее, чем это...

Я искренне пытаюсь не пялиться. Искренне!

– Какой купальник и куда я должна взять? – соскакиваю со стула и иду мыть чашку.

– Днюха Ванса. Домик в лесу. Мы вчера обсуждали.

– У него разве не через неделю? – пытаюсь припомнить вчерашний разговор.

– Это моцик ему привезут через неделю. А дняха сегодня.

– Ехать с вами в лес? Отличный план, но я, пожалуй, откажусь. Хочется умереть как-нибудь менее прозаично. К тому же у меня уже есть планы, – поднимаю телефон, как бы обозначая их.

– О, ты едешь, – ехидно замечает он, прислоняясь к столешнице.

Так хоть трусы не видно, спасибо.

– Я не собираюсь весь вечер слушать, как именинник меня распекает за то, что я тебя не взял. Он очень хочет увидеть тебя в купальнике. Это его единственное пожелание на сегодня. Так что с подарком можешь не заморачиваться. Хотя подумай о парандже, серьезно. Видеть его капающие слюны – отвратно.

Я только было собираюсь открыть рот и возмутиться, ка-

кая это пошлятина и поблагодарить хорошенькой оплеухой за протезирование в проститутки, как Алан меня перебивает.

– К тому же я уже написал матери, что беру тебя с собой, а она написала твоей матери, чтобы она не беспокоилась... В общем, колесо завертелось, сорян.

Я бледнею на глазах. О-ой. Опасная ситуация.

Словно вдогонку моим мыслям, пиликает телефон. Но это не мгновенный ответ на мой отклик на вакансию, как я грезила, а Ветка.

Ее мать и правда в курсе и хочет фотоотчет нашей веселой поездки.

И *«мы помирились, отбой»*

Класс. Хотя где-то я могу выдохнуть. Временно.

Помни, Елка, что все может рухнуть в любой момент.

Глава 13.1

«Просто фотографируй обстановку, сама в кадр не лезь»

«Одень что-то из моих вещей»

«Если заставят селфится, отвернись от камеры, чтобы только волосы были видны»

Ветка выдает инструкции уже добрый час. Тоже нервничает, что спалимся.

«Глянь, что мне Сережа за свой косяк купил»

Но не забывает и о себе. У нее уже маленький склад с брендовыми сумками там набрался. Не представляю, как она собирается все это тащить сюда.

А какова вероятность, что она решит вообще не возвращаться? Она уже намекала где-то на днях, что Сережа предлагает снять там квартиру и пожить немного в свое удовольствие. Он, как я поняла, работает удаленно. Она тоже раскручивает свой блог изо всех сил и у нее это неплохо выходит, судя по последним постам, набравшим миллионные просмотры.

Так что же будет тогда со мной?

Рефлексия всегда была моей сильной стороной. Вот и сейчас, направляясь в машине, забитой под завязку сумками и людьми, в непонятном направлении, все, о чем я думаю: в какой жопе я оказалась. С какой стороны не посмотришь.

– Да ты первый пешком по лесу побежишь, если там вай-фая не окажется! – Маша наклоняется к переднему сидению и треплет по голове Кирилла.

Они спорят уже минут десять.

– Я могу прожить без интернета хоть неделю! – оборачиваясь, смеется он. – Кто не выживет, так это Дэн! – тычет пальцем в нашего сегодняшнего водителя.

– С чего это? – фыркает тот в ответ.

– Брат, ты вчера искал розетку в кофейне раньше, чем туалет.

Лера рядом со мной тихонько смеется.

Я выдавливаю улыбку, но продолжаю разговаривать в своей голове.

Как долго мы сможешь обманывать родителей Ветки?

Рано или поздно придется сказать, если она не вернется.

Всем.

Лера тянет руку к Дэну и с нежностью трепет его затылок. Тот дарит ей улыбку в зеркале заднего вида. Такие они милительные.

А если Ветка вернется, все равно придется всем сказать.

Исход один.

– Так что там за девки едут с Вансом? – громко интересуется Маша.

– Подцепил вчера в клубе, – поясняет Кир.

– Надеюсь, они не лишайные, – кривится она. – Не хотелось бы в джакузи что-то от них подцепить.

– Какая ты жестокая, – шепчет Лера.

– Я просто стебусь. Вечно он притащит в компанию какую-нибудь пикми телочку, а мы потом слушай весь вечер «заю-ю-юш», – пискляво изображает она.

– Кису-у-уль, – присоединяется к ней Лера.

Я ничего не понимаю, но смеюсь вместе с ними.

– И главное их двое!

– Вторая, наверное, для Аланчика, – вклинивается Кир с переднего сидения. – Ему пора уже... – поигрывает бровями в зеркале заднего вида.

Мне почему-то становится не по себе. Какое-то неприятное ощущение ползет по позвонкам до самого затылка. Значит, все разбредутся по парочкам, а я буду там, как не пришей кобыле хвост. Зачем он меня с собой потащил?

Даже не так: угрозами заставил ехать, а сам даже в тачку другую сел, к двум блондинистым курицам.

Эля, выдохни, остановись.

Ты же их даже не знаешь.

Вообще я не склонна, не зная людей, ставить на них клеймо, не понимаю, что за дурацкие злые мысли сейчас во мне бродят. Наверное, поддалась общей атмосфере в машине.

Алан с Севой и двумя неожиданными бонусами с нарощенными волосами едут в такси перед нами, меня же буквально пихнули пятой в машину Дэна, единственного человека с правами. Очевидно, чтобы не мешалась.

Я снова чувствую себя максимально неуютно. Вчера не

позвали на девчачью вечеринку, сегодня я вообще лишняя на этом празднике. Лучше бы настояла и осталась дома, поёрфила вакансии на сайтах.

В очередной раз за утро лезу в телефон и обновляю Авито. Пока пусто. Окей. Ну хотя бы связь пока ловит.

– Жаль, ты с нами вчера не пошла, Эль, – смеется Маша.
– Там такие парни были!

– Слыхал, – кидает нашему водителю Кир. – Мы вас больше не пустим никуда! – возмущается.

– Да кто вас спрашивать будет! – отмахивается она, наклоняясь ко мне. – Алан, конечно, вжился в образ старшего брата, никуда тебя не пускает. Удивительно, что разрешил с нами ехать в глэмпинг.

И тут до меня доходит...

– В смысле разрешил? – ошарашенно поворачиваюсь к ней. – В смысле, не пускает?

– Ну знаешь, вся эта фишка с родаками. Его мать так на него орала перед твоим приездом, что игры и развлечения кончились, пора брать на себя ответственность и бла-бла-бла. Не помнишь, Лер, что там еще было? – спрашивает у подруги.

– Что-то про ежедневный отчет и никаких сомнительных дружков... – добавляет Лера.

Мои глаза расширяются все больше.

– Так он не разрешил меня вчера с вами взять?

– Ага, прикинь. Сказал, ты слишком мелкая еще по клу-

бам шастать с нами. Хотя я, помню, на первом курсе ни ночи не спала, – мечтательно вспоминает Маша. – Где эти счастливые деньки? А, Кир, где? – толкает парня в плечо.

– Ты променяла их на счастливые деньки со мной, мартышка.

Кирилл хватает ее руку и тянет на себя, чтобы вгрызться девушке в рот.

Я все еще отхожу от их уменьшительно-ласкательных прозвищ. И оттого, что Алан, оказывает, за моей спиной творит такие вещи.

Повезло ему сейчас ехать в другой тачке.

Глава 14

– Так, есть проблемка, – хлопнув в ладоши, оповещает всех собравшихся именинник.

А ведь мы только приехали. Успели восторженно ахнуть от красоты леса, вдохнуть охренительно свежий воздух и войти в домик, который сняли ребята. И уже проблемы.

– Спальных мест маловато, – разводит он руками.

– Насколько маловато? – интересуется Алан, подпирая перила лестницы, ведущей на второй этаж.

– Четыре. И пуфик, – чересчур уж оптимистично заявляет Сева.

Но даже мне понятно, что оптимизмом тут и не пахнет. Нас девять. Как знала, что не надо было сюда тащиться.

– Как так вышло? Ты же сказал, все на мази, когда бронировал, – возмущается Алан.

– Все на мази! Мелкие нестыковки, – легкомысленно продолжает Сева, выуживая из одного из пакетов чипсы. – И вообще, я именинник, мне говорили, это что-то да значит. Разве я должен сегодня брать на себя какие-то заботы?

Открывает пачку и, закинув сразу горсть чипсов с крабом себе в рот, падает на диван, где уже сидят склеенные им девчонки.

– Да, отвали от Ванса, Ал, – включается Кир. – Ща все решим!

Снимает с себя бейсболку и тянется за чем-то в задний карман джинс, достает связку ключей и картинно бросает их внутрь.

– Давайте, друзья! – трясет кепкой. – Жеребьевка!

И столько радости в голосе...

– О, нет, Кир! – восклицает Маша. – Опять? У меня до сих пор фантомно жопа болит, после той ночевки у Ванса.

– Мартышка, ты так не пались, – приглушенно, но так, чтобы все слышали, стебет ее Кир.

– Да пошел ты! – толкает его. – Это же мне пришлось на полу спать с Леркой. А мы и так две доски!

Очерчивает рукой свой силуэт.

– В этот раз не придется, – подмигивает ей. – Давайте, давайте, пошевеливаемся, кидаем все сюда ключи! – протягивает кепку к нашей кучке.

Все издают стон недовольства, но тем не менее тянутся к сумкам. Маша, Лера, а затем и я кидаем свои связки в бейсболку. Затем настает очередь Севы и девчонок. И, наконец, Алана.

Он выглядит особенно недовольным.

И я разделяю его чувства. Ладно, если придется с кем-то из девчонок делить кровать... хотя думаю, если что, кто-нибудь со мной поменяется.

– И помним, никаких обменов! Все по-честному, страдают все! – явно веселясь, восклицает Кир.

Вот черт.

– Итак, первым выбирает себе постель... ой, я. Какая неожиданность, – расплывается в очевидно лукавой улыбочке. Показывая зажатые в кулаке ключи. – И со мной эту привилегию разделит, – делает вид, что активно копошится в бейсболке, прежде чем вытянуть ключ с мигающим сердечком. – Детка, – подмигивает он Маше. – Иди выбирай, пока эти каннибалы не полетели следом.

Маша расплывается в улыбке и радостно бежит по лестнице вверх, пока остальные ребята освистывают ведущего этой жеребьевки.

– Судью на мыло!

– Все куплено!

– Фу-у-у.

– Тихо, тихо. Следующий! – снова перемешивает содержимое кепки и, наконец, вытягивает мои ключи. Не узнать их с первого взгляда невозможно, зеленая елка-брелок выдает меня с потрохами.

– Моя, – обреченно поднимаю руки.

– О-о-о-о, – и кому же сегодня повезет... – начинает было Кир, но резко замолкает. – Кхм. Посмотрим, посмотрим. Кручу, верчу, запутать хочу... Чье?

Достает ничем не примечательную связку. И, черт, я узнаю этот набор ключей.

– Давай сюда, – шипит на друга подошедший Алан.

– Да ну... – разочарованно тянет с дивана Сева. – Переигрываем! – вскакивает он. – Это же не по-христиански! По-

что инцест!

– Да, без проблем, – тяну свои ключи обратно Киру.

Реально странно. Спать с братом своей лучшей подруги, который думает, что я его сестра. Даже если реально просто спать. Просто... от одной мысли об этом в животе завязывается тугой узел.

– Да щас, – перехватывает мои ключи на подходе Алан. – Никаких переигровок, иди в жопу. Пошли, – кивает уже мне.

Оцепеневшая от такого выступления, отмираю и плетусь за Аланом на второй этаж.

– Главное не рядом с Дэном и Леркой, иначе адская ночь нам обеспечена, – усмехается он, занырявая головой в одну из комнат.

Там уже разлеглась Маша и залипла в телефоне.

– Может они не будут вместе спать... – делюсь предположением.

– Да, конечно. Ничто этих двоих не разделит. Даже Кир со своими хитрыми комбинациями.

Мы заходим в соседнюю комнату. Двухъярусная кровать. Класс. Мы что, в детском лагере?

– Значит, остается только диван на первом этаже, – разочарованно выдыхает Алан.

И как раз в этот момент слышатся шаги на лестнице, толпа устремилась за нами.

– Пошли быстрее, – Алан хватая меня за руку и тянет в противоположную потоку сторону. – Пока они не поняли...

Я хихикаю и бегу за ним. Мы проскальзываем мимо ничего не понимающих ребят и быстро слетаем по ступенькам вниз. Валимся на диван и громко ржем. Всё. Он наш!

– Э-э-э, – доносится сверху громогласное. – Вот жуки!

– От жука и слышу! – орет Алан в ответ.

Не знаю, как они будут на этой двухъярусной кровати впятером размещаться, а я больше озабочена тем, как мы с «братом» будем делить этот диван. Ночка действительно предстоит адская.

И дело даже не в близости Дэна и Леры.

А в том, как моя рука фантомно все еще чувствует прикосновение.

Глава Визуализация героев

Познакомимся с героями поближе:

Главная героиня - Элина (она же Елка)

Дурацкое прозвище прилипло к ней в детстве, когда бабушка ее подруги все время путалась между Элиной и Эвелиной и просто стала звать их Елка и Ветка.

"Шерочка с машерочкой, елочка да с веточкой"

Баба Алевтина (с)

Душнила

CHANEL
HERBET RYMAN
VOLE

Целеустремленная девчонка, привыкшая добиваться своих целей. Хочет учиться и не планирует влюбляться. Но это, конечно, пока она не встречает Алана

Главный герой: Алан

Колючий снаружи, но сладкая булочка внутри.

За внешней саркастичной броней хранится чувственная натура. Хороший друг, а вот какой из него брат... нам только предстоит узнать!

В книге так же присутствуют:

Ветка (она же Эвелина)

Виновница всей заварухи

↑ Выход
К улице
Информация
Справочное бюро

Путь
7

ОТПРАВЛЕНИЕ ПОЕЗДОВ			
Время	Маршрут	Путь	Статус
10:12	Москва – Санкт-Петербург	7	Отправлен
10:27	Казань – Москва	12	По расписанию
10:35	Нижний Новгород – Москва	11	По расписанию
10:50	Ростов-на-Дону – Москва	8	Задерживается
11:05	Адыр – Москва	9	По расписанию
11:20	Екатеринбург – Москва	10	По расписанию
11:37	Самара – Москва	13	По расписанию

Любимая папина/мамина дочка, легкомысленная и знающая себе цену.

Кир и Маша

Весельчак Кир и непосредственная Маша, отношения которых больше похожи на постоянный аттракцион пикировок.

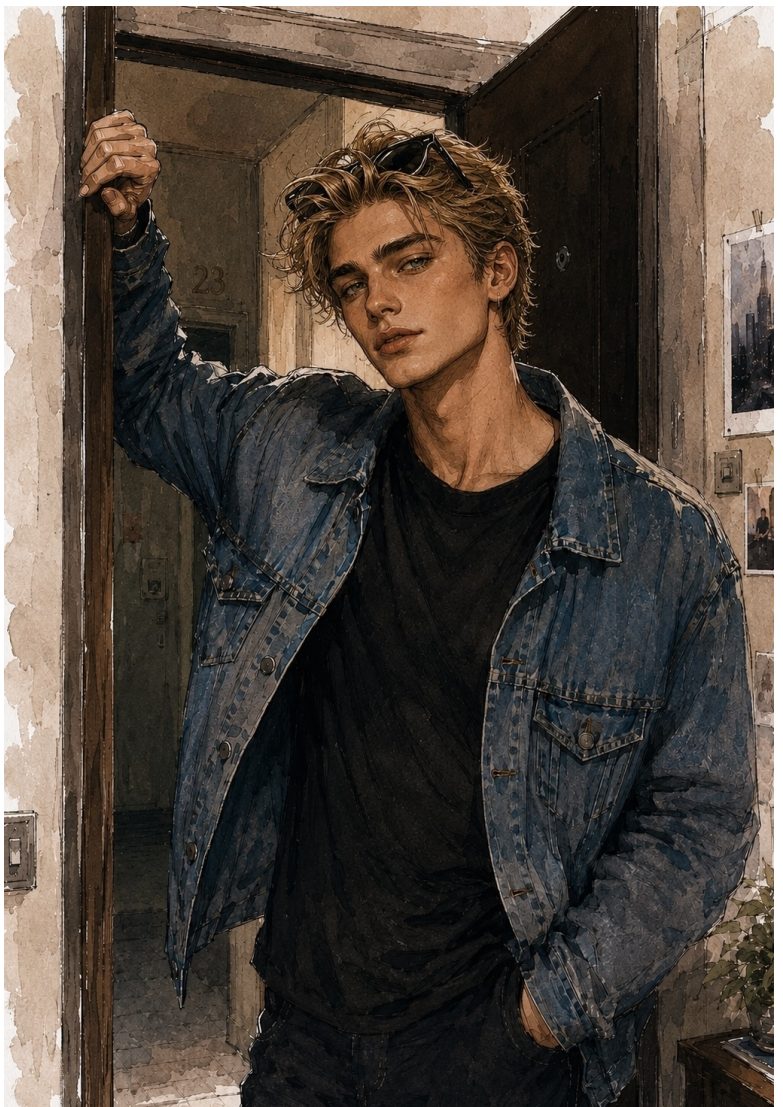
Дэн и Лера

Молчаливый Дэн и скромная Лера - парочка, отношениям которых завидуют все.

И, конечно, **Сева (он же Ванс)**

Происхождение прозвища держится под строжайшим секретом!

Красавчик, ловелас, беззаботный повеса.

Глава 15.1.

Когда Кирилл наконец торжественно вносит шашлык, все сдвигаются ближе к столу. Маша тут же тянется за самым поджаристым куском, по праву его правой, хоть и не готовящей руки.

– Даже не думай, – возмущается Кир, отгоняя ее опахалом в руке. – Это шеф-поварский.

– Значит, лучший, – хитро прищуривается она, откусывая большой кусок.

– Значит, мой! – наклоняется и зубами вырывает остаток куска из ее рук.

– Жадина! – возмущается.

– Не обижайся, мартышка, но этот кусок я бы даже бабушке не отдал, – ухмыляется Кир, подмигивая.

– И так всегда, – вздыхает она.

Мы все смеемся над их перебранкой, и в этот момент я чувствую, как Алан, проходя за моей спиной, очень легко касается ладонью моей поясницы, направляя к столу.

Мимолётно. Будто случайно.

Но от этого лёгкого прикосновения у меня снова бегут мурашки. Глупые и совершенно необъяснимые.

Я оборачиваюсь, чтобы увидеть его профиль, что-то прочитать на лице, но он лишь усмехается выходкам Кира и Ма-

ши. Сажусь за стол, стараясь сделать вид, что ничего не произошло, но теперь как будто невозможно игнорировать его близкое присутствие. Его плечо, задевающее мое, когда он наклоняется к миске с шашлыком, его голос, когда он подкалывает Кира.

И я по-настоящему пугаюсь этих неожиданных изменений.

Черт, ну как так-то?

Что за дурацкая ситуация!

– А где Лера и Дэн? – интересуюсь, замечая, что их за столом нет.

Надо же как-то переключить внимание. Мурашки уже добрались до ног.

– Пошли смотреть на звезды, – гогочет Кир, закидывая в рот очередной кусок мяса.

– Но сегодня же пасмурно... – поднимаю взгляд вверх на небо. Ни единой звездочки.

Все начинают дико ржать. Кир даже давится, отчего Алану приходится от души настучать ему по спине.

И тут до меня доходит...

– Малая, какая ж ты... Еще малая, – смеется рядом Сева.

Уши привычно начинают гореть. Даже две блондинистые дурочки хихикают как ненормальные.

– Вот поэтому тебе и рано шляться по барам, – наклонившись ко мне, шепчет Алан.

– Да все я поняла, – отвечаю раздраженно.

Просто дошло до меня медленнее, чем до остальных.

– Дэн, наверное, там уже небо в алмазах показывает, – продолжает заливаться Кир.

– Хорошо, что мы спим в другой комнате, – добавляет Маша.

– Плохо что мы с ними в одной, да, девчонки? – приобнимает Милану и Карину Сева. – Ну ничего, можем сегодня и не ложиться. Нас еще джакузи ждет!

О да. Точно. Джакузи. Ради которого мне знатно пришлось покопаться в чемодане Ветки, чтобы найти купальник. То ли она про него забыла, то ли не взяла потому, что он сильно монашеский в ее представлении – не знаю. Но на мне он смотрится почти прилично. Прикрывая практически все стратегические места.

Так что я тоже очень жду джакузи.

Еще один новый незабываемый опыт.

Правда к джакузи мы добираемся уже ближе к ночи.

Лес вокруг окончательно потемнел, только гирлянды, развешанные вдоль дорожки, освещают нам путь. За домиком, на небольшой деревянной площадке, под навесом располагалась огромная круглая купель с горячей водой, от которой поднимается густой белый пар.

Внутри плавают сосновые ветки, ломтики апельсина и какие-то травы, и аромат стоит такой, что у меня на секунду начинает кружиться голова.

Смола, цитрус, теплое дерево, ночь.

Все это похоже на сказку, о которой я даже никогда не мечтала.

– Всё, я первая! – Маша уже на ходу стягивает халат, совершенно не заморачиваясь.

За ней с визгом бегут две девчонки, которых именинник привёз с собой из бара. Сам Сева плюхается в воду с таким блаженным стоном, будто всю жизнь ждал именно этого момента. Закидывает руки по обе стороны от блондинок и расплывается в улыбке Чеширского кота. Алан только усмехается и садится на бортик, опуская ноги в воду.

В одних, мать его, плавка. Ему не холодно? Мне даже смотреть на него зябко. И неловко. И...

Я остаюсь стоять чуть в стороне, крепче запахивая халат. И внезапно чувствую себя ужасно некомфортно.

Когда я только примерила купальник, он казался мне вполне нормальным. Обычный раздельный чёрный. Спортивный. Совершенно не примечательный, помимо завышенных плавков. Есть только один нюанс: он очень мне впрытык. Настолько, что спереди грудь чуть ли не нас лезет.

И сейчас, под светом гирлянд, среди этих красивых, слишком уверенных в себе девчонок, он вдруг кажется мне почти нелепым. Я кажусь себе в нем нелепой.

– Эль, ты чего зависла? – Маша выглядывает из-за клубов пара. – Иди сюда, тут кайф!

– Да, давай, – подхватывает Сева, хотя его уже обложили

с двух сторон две худощавые, как модели, блондинки. – Мы тебе даже лучшие сосновые ветки уступим, – плещет водой, отчего его гости наигранно визжат.

– Ничего себе щедрость, – бурчу, всё ещё топчась на месте. Пояс халата будто выскользывает из рук, не желая быть развязанным.

И тут я встречаюсь глазами с Аланом. Это просто взгляд. Он спокойный и внимательный.

Пожалуй, слишком внимательный.

– Иди уже, – говорит с привычной ленцой. – Холодно же.

– Кто бы говорил.

Он все еще не погрузился полностью, словно сентябрьский ночной воздух ему ни по чем.

Выдохнув, я всё-таки развязываю пояс халата и, скинув его с плеч, кидаю на стул. На секунду становится мертвецки тихо.

Словно даже лес замер.

Я аккуратно ступаю по деревянному настилу и ловко забираюсь в воду. Жар сразу обхватывает тело. По коже бегут мурашки – уже не от холода, а от резкой смены температуры.

И пять пар глаз устремляются на меня.

– Ого... – выдыхает Сева с таким искренним восхищением, что я невольно напрягаюсь. – Шорты были только началом... Началом моего конца, – шепчет едва слышно.

Но Алан все слышит.

– Ванс, закрой свой рот, туда сейчас вода затечёт, – гремит

он, отвешивая Севе подзатыльник.

Не поленился же дотянуться!

– Я просто констатирую факт, – только разводит руками. Девчонки, сидевшие по обе стороны от него, заметно переглядываются.

Одна тут же выпрямляет спину и впечатывается в Севу грудь, вторая слишком демонстративно подвигается ближе, едва не залезая ему на колени.

Ревность в тёплой воде ощущается почти так же явно, как запах хвои. Но никогда еще я не становилась ее причиной.

– Некоторые просто не нуждаются в спецэффектах, – небрежно бросает Маша, подмигнув мне.

Я благодарно улыбаюсь, опускаясь в воду по плечи, и только тогда замечаю, что свободное место осталось ровно одно.

Рядом с Аланом, который ловко спрыгивает в купель, сразу погружаясь по грудь.

Ну, конечно.

Я медленно подплываю к нему и устраиваюсь рядом, стараясь оставить между нами хотя бы приличную дистанцию. Но купель, скажем честно, слишком мала для приличий.

Под водой наши колени почти сразу случайно соприкасаются. Я вздрагиваю и тут же чуть сильнее сдвигаю в сторону Маши. Рядом с ней я чувствую себя куда комфортнее.

Боже, что за ад?